

Марина Эльденберт

Палач

«Литнет»

2023

Эльденберт М.

Палач / М. Эльденберт — «Литнет», 2023

Оксана Миргородская принадлежит к старинному роду чувствующих – тех, кто воспринимает мир на уровне энергий. Дар оборачивается проклятием, когда она находит любовника мертвым. Погибший был связан с могущественной теневой расой, и теперь Оксана под прицелом пристального внимания их лидера. Джеймсу Стивенсу приходится расследовать убийство одного из тех, кого он ненавидел: на карту поставлены жизни близких и выбирать не приходится. Есть ли у этой задачи решение или это билет в один конец?.

© Эльденберт М., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Приговоренные. 1	8
2	14
3	19
4	23
5	28
6	34
7	39
8	44
9	49
10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Пролог

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

Музыка была повсюду: звучала в ушах, ощущалась в вибрации танцпола, в резкой смене цветов лазерного шоу, в запахе пота рвано двигающейся толпы. Она соблазняла и уводила за собой. Музыка заставляла грустить или веселиться, но все равно звала танцевать. Люди подчинялись зову крови, известному с начала времен, и на большой площадке превращались в первобытных дикарей. Она дарила свободу. До тех пор, пока не уставали ноги, перехватывало дыхание и першило в горле от жажды. Тогда кто-то отделялся от толпы в сторону длинной барной стойки, чтобы получить очередную порцию алкоголя. Как будто не хватало пьянящих ритмов. Бармены жонглировали бокалами, создавая настоящее шоу. Субботы в ночном клубе «Помпеи» всегда были жаркими.

Светомузыка жила своей жизнью, на мгновения раскрашивая публику и темноту зала в разные цвета. Вокруг танцпола в полумраке расположились счастливчики, успевшие занять столик с мягким диваном. Они курили кальяны, заказывали выпивку и рассматривали танцующих. На возвышении за микшерным пультом худой парень в безразмерной серой футболке и наушниках задавал настроение, но оставался дирижером, творцом за кулисами. Внимание публики притягивали девушки на пьедесталах. Длинноногие танцовщицы на высоких каблуках, в коротких топах и обтягивающих шортах. Они пробуждали в толпе не менее древние инстинкты, чем музыка.

Оксана была одной из них. Яркая, артистичная, способная завести любую публику, она получала невероятное удовольствие от того, что делала. Танец был продолжением ее жизни. Толпа тщетно тянула руки, пытаясь дотронуться до влажного от пота тела.

Оксана танцевала до тех пор, пока не уставала. Тогда она уходила в гримерную, переодевалась и возвращалась в зал, чтобы смешаться с толпой отдыхающих.

У нее был секрет. То, что отличало от других. Обычные люди видели вокруг веселящуюся толпу, разноцветный лазерный свет, слышали невероятно громкую музыку и ощущали сигаретный дым в воздухе. Оксана чувствовала биения множества сердец, желания тел, будоражащий, пьянящий коктейль энергетики толпы. Каждый человек был уникален. Их жизненные силы, заключенные в хрупкую оболочку ауры, обладали неповторимыми звуками, запахами, даже вкусами.

Оксана могла превратить любого из них в послушную марионетку, стоило только захотеть. Люди тянулись к ней, но не знали, что дело не в длинных ногах или ладной фигуре. Сексуальное притяжение было наследием, частью ее самой и залогом выживания. Где бы Оксана ни оказывалась, ее тут же окружали мужчины, готовые на все. Они предлагали исполнить любое желание, чтобы стать ближе. Драгоценности, машины, даже имя, но она хотела другого. Их энергию.

Своя аура постоянно меркла, а вместе с ней утекала жизнь. Поэтому Оксана заимствовала чужую энергию, выискивая жертву в толпе и заманивая сети. Проблемы и суета, сумасшедший ритм московских будней вытягивали из людей все силы. Они напоминали пустые сосуды, и взять с них было нечего, но на выходных преображались. Расслабленные и разгоряченные настроением клуба, они отдавали себя целиком в обмен на наслаждение.

После душа Оксана переоделась в обтягивающие джинсы и черный топ, забрала длинные волосы наверх. В общей зале подошла к барной стойке, попросила бутылку воды и оглянулась по сторонам в поисках того, кто сегодня разделит с ней ночь. Рядом мгновенно появились двое парней — привлекательных, в дорогой одежде, желающих угостить выпивкой и продол-

жить знакомство. Энергетика одного мерцала, как неисправный фонарь, у второго искрила, как надорванный провод. Оксана отказалась.

Не сразу, но она почувствовала того, кого искала. В диком смешении энергий, его выделялась силой и теплотой. Аура звучала другой музыкой, стоило только настроиться, заглушая льющийся из колонок транс. Ладони Оксаны потеплели, а по спине прошел приятный холодок предвкушения. Она обернулась, и взгляд остановился на мужчине за одним из столиков. Средний рост, крепкое телосложение, тонкий нос с небольшой горбинкой, который разбавлял невзрачные черты.

Он был занят другой девушкой, которой вешал комплименты на французском, но Оксану это не смущало. Его энергетика обладала достаточной силой, чтобы удовлетворить ее аппетит сегодня ночью. Он встретился взглядом с Оксаной и быстро позабыл о своей знакомой. Француз отделался от нее в считанные минуты, поднялся и подошел к барной стойке.

Иностранец оказался щедрым на комплименты, а она умела провоцировать. Для того, чтобы свести с ума, Оксане достаточно было просто находиться рядом, но ей нравилась игра: откровенные прикосновения, поцелуи. Нравилось чувствовать возбуждение француза и видеть, как его аура расцветает всеми оттенками желания. Совсем скоро он уже принадлежал только ей, пусть и ненадолго. Оксана предложила перебраться в более уединенное место.

Съемная квартира иностранца находилась недалеко от клуба. Студия в темных тонах — мужской выбор. Кухню отделяла барная стойка с высокими стульями. Приглушенный свет бра освещал комнату, романтически настроенная девушка непременно оценила бы, но Оксане было наплевать на обстановку. Она толкнула француза на постель и медленно стянула с себя топ и джинсы. Жесткий ворс ковра царапал босые ступни, но неприятные ощущения не портили предвкушения. Иностранец с восторгом и вождением наблюдал за ней.

— Хочу тебя, — выдохнула Оксана, усаживаясь на его колени и медленно развязывая галстук. Француз тяжело задышал, привлек к себе, но звонок сотового заставил их прервать поцелуй. Услышав мелодию, Оксана мысленно застонала — этот станет набирать до бесконечности. Пришлось дотянуться до сумочки, нащупать телефон и выключить его. Дисплей погас, затянув в темноту имя абонента «Игнорируй меня».

— Кто это? — француз приподнялся на локте, наблюдая за ней чуть ли не с ревностью.

— Никто, — хмыкнула Оксана, отбросив волосы за спину. — Хватит болтать!

Они не спрашивали имен друг друга, просто занялись сексом. Прикосновение к его ауре оказалось истинным наслаждением. Яркая чужая энергия перетекала к ней тонкой струйкой, заставляла испытывать дикий, ни с чем не сравнимый восторг. Все чувства обострились, Оксана слышала биение сердец, хриплое дыхание, ощущала запах секса, солоноватый вкус пота на губах. Стоит немного переусердствовать — и любовник уже никогда не проснется. Ей нравилось подводить их к черте и останавливаться, такие игры добавляли остроты. Чем сильнее был человек, тем дальше можно было зайти. Француз оказался даже не пирожным, целым тортом.

Как и все, он заснул сразу после оргазма. Оксана заказала такси, приняла душ и отправилась домой. Она чувствовала себя обновленной. Не каждый раз удавалось найти человека с такой сильной аурой. Приходилось довольствоваться вариантами попроще, но сегодня явно был ее день. После секса Оксана чувствовала мир острее и ярче: цветы красок, звуков и запахов расцветали один за другим.

Она оделась, поправила макияж, улыбнулась отражению, выключила свет и вышла, захлопнув дверь. Оксана застегивала куртку уже в лифте и думала о том, чем займется, когда окажется дома. Спать не хотелось. Холод зимней ночи морозной свежестью коснулся щек, и она поняла, что снова хочет танцевать. Такси ждало внизу, Оксана забралась на заднее сиденье теплого салона, перехватила восхищенный взгляд водителя и улыбнулась.

Ночная Москва в движении напоминала блестящий елочный волчок. Город, который никогда не спит. Оксана родилась и прожила здесь почти четверть века, но временами терялась в сумасшедшей круговерти его ритма.

Она вспомнила, что нужно включить телефон, но в сумочке его не оказалось. В левом кармане куртки тоже. Секс с французом оказался настолько потрясающим, что она умудрилась забыть сотовый в его квартире. самого телефона жалко не было, а вот контакты и фотографии оставлять не хотелось. Оксана попросила водителя развернуться. Как бы ни хотелось уйти по-английски, придется вернуться по-русски и разбудить любовника.

Будить не пришлось, дверь в квартиру была приоткрыта. Наверное, неисправный замок или сквозняки. Оксана обрадовалась, что не нужно ничего объяснять и выслушивать просьбы остаться: она просто заберет телефон и на сей раз закроет дверь получше.

Шторы были задернуты, полоска слабого света, разделившая комнату на две части, не спасала. Она быстро обвела спальню взглядом, пытаясь понять, куда дела сотовый. Тумбочка рядом с кроватью, где стояла сумка. Вроде, злосчастный телефон лежал на ней.

По коже прошел мороз, и Оксана не сразу поняла, с чем это связано. А когда осознала, замерла на месте. Она больше не чувствовала присутствия любовника. Ощущения тепла его ауры не осталось.

Оксана нащупала выключатель и невольно зажала рот рукой, но крика сдержать не смогла. Француз лежал на спине, раскинув руки в стороны. Перерезанное горло, пропитавшееся кровью простыни, остекленевшие глаза слепо смотрят в потолок.

Оксана попятилась назад. От мерзкого зрелища ее замутило. На мгновение закрыла глаза, но не помогло. Ком в горле грозил перерасти в приступ удушья, ее трясло. Мысли пустились в пляс, и она уже ничего не могла с собой поделать на грани подступающего ужаса.

Оксана вспомнила, зачем вернулась. Чтобы взять телефон, нужно было подойти к кровати, и к нему. Прижав руки к груди, она покачала головой, но все-таки шагнула вперед.

«Я смогу... я смогу... я смогу», — мысленно повторяла она, как заведенная.

Шаг, еще шаг. Следующий. Дрожащими пальцами Оксана подхватила телефон и быстро бросила его в сумку.

«Готово. А теперь развернуться — и бежать...»

Первый страх схлынул, но перевести дух она не успела. Оксана почувствовала *присутствие* и остановилась, как вкопанная. Убийца по-прежнему был в квартире. Ярость и ненависть струились в пространстве, отравляя ее изнутри. Запах страха и безумия. Она увидит убийцу, стоит только посмотреть в зеркало?.. А может быть, он поджидает в коридоре?.. Оксана тихо всхлипнула, представляя, как лезвие ножа скользит по ее горлу. Мгновения, потерянные в объятиях ужаса, она наверстала на лестнице.

Не дожидаясь лифта, не боясь сломать ноги на высоких каблуках, Оксана оставляла за спиной пролет за пролетом, прыгала через ступеньки. Только на первом этаже ненадолго задержалась, чтобы не врезаться в память таксиста обезумевшим сгустком страха. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, она шагнула в морозную ночь.

— Нашли что искали? — весело спросил водитель, затушив сигарету.

Оксана не ответила, забралась на заднее сиденье и сжалась в углу. Лишь один человек мог помочь ей, посоветовать, рассказать, как быть дальше.

— Поедем в другое место, — сдавленно пробормотала она, когда таксист сел за руль, — это за городом. Я расскажу.

Часть 1. Приговоренные. 1

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

Оксане запретили выходить из квартиры, общаться с друзьями и делать все, что считается жизнью для двадцатичетырехлетней девушки. Приходилось долго тупить в ящик, прочесывать просторы сети и заниматься чисто женскими шалостями. Оксана навела порядок в квартире, испекла пирог и покрасила волосы. Выбеленные пряди сменили свой оттенок на светло-русый. Примерно такой цвет волос был у нее в детстве.

Она занималась всем, что взбредет в голову, только чтобы забыть о той ночи. Повседневные дела отвлекали. Стоило вспомнить запах крови, ауру безумия убийцы, как начинали трястись руки, и накатывал страх. Приходилось пить успокоительное, чтобы заснуть. Часы тянулись, как резина, ничего не происходило, и на третий день Оксана почти уговорила себя, что все будет хорошо. Со связями семьи ей не грозили трудности с полицией, но это не могло стереть из памяти ужасное воспоминание. Оксана заказала новый торшер в гостиную и ждала звонка бабули. Но вместо нее приехала сестра.

Оксана настолько устала от одиночества и страхов, что готова была обнимать Сашу. Вот только сестра терпеть не могла нежности. Из них двоих внешне именно старшая пошла в мать. Прямая спина, изящная походка и безупречный стиль. Чтобы сестра ни надевала — будь то мужская рубашка или коктейльное платье, выглядело это сексуально.

Оксана иногда завидовала старшей сестре, хотя страшненькой себя не считала. Природа наградила ее не столь яркой внешностью. К высокому росту она получила впридачу длинные ноги. Сколько бы Оксана ни ела, не набирала не килограмма и поэтому никогда не сидела на диетах. Веснушки на носу и щеках только придавали очарования. Недостатка в поклонниках она не знала. В последнем была заслуга генов.

Оксане посчастливилось родиться в семье *чувствующих*. Людей с редким даром, которые могли принимать энергию окружающих и тем самым продлевать молодость и жизнь. Ее бабушка в свои семьдесят пять выглядела на сорок с хвостиком. Без энергии чувствующие чахли и могли умереть. Получать силы можно было по-разному: во время всплеска сильных чувств, через прикосновения, но самым доступным и быстрым способом оставался секс. Бабуля воспитала и научила их всему, позаботилась о том, чтобы они с Сашей не причинили никому вреда. Были случаи, когда молодые чувствующие по неосторожности убивали людей. На мыслях о смерти Оксане сразу становилось дурно.

Она вспоминала перерезанное горло, пропитанные кровью простыни, остановившийся взгляд и металлический сладковатый запах. Оксана не привыкла решать проблемы сама и сразу поехала к бабуле, которая и посадила ее под замок. Только вера в ее связи и домашние дела помогли не сойти с ума. Появление Саши дарило надежду, что все наладилось.

— Ксанка, ты наконец-то пригласила хорошего стилиста? — язвительно поинтересовалась Саша, оглядев ее с головы до ног, и тут же нахмурилась. — Если скажешь, что вышла из дома, я лично тебя придушу.

Оксана закатила глаза. Она не вышла бы на улицу и под угрозой расстрела. Только сейчас заметила в руках сестры чехол для одежды. Наверняка, Саша не устояла перед каким-то платьем.

— Сама, — объяснила Оксана и нетерпеливо спросила. — Я свободна?

Та передернула плечами и вручила чехол Оксане.

— Со вкусом у тебя всегда было туго, а нам предстоит встреча и серьезный разговор с теми, кто шутить не будет. Так что одевайся.

Оксана поняла, что не дождется нормального объяснения. Если Саша хотела ее помучить, то выбрала не самое лучшее время. Все эти дни Оксана опасалась, что ей придется общаться с полицией. Неужели у бабули ничего не получилось?! Она с ужасом представляла допросы, протоколы и вонючие стены камер предварительного заключения.

Чтобы справиться с накотившим страхом, она ушла переодеваться в спальню. Внутри чехла оказался элегантный брючный костюм темно-серого цвета и белоснежная блузка. Саша угадала с размером и наряд сел идеально. Не считая того, что Оксана предпочитала короткие юбки, обтягивающие джинсы и яркие рубашки. В костюме она выглядела нелепо и старше лет на десять.

— Я похожа на девицу из отдела кредитования, — возмутилась она. — Я в таком из дома не выйду.

Оксане не нужно было работать. Отец давал достаточно денег, да и любовники не скупились, так что она могла спокойно заниматься тем, чем хочет. Танцы в клубе были скорее развлечением.

— Все лучше, чем как школьница-переросток, — фыркнула Саша, кивнув в сторону двери, — вперед.

Во дворе, перед белоснежным «Порше Кайен», стоял мужчина с жидкой бороденкой. Сестра собиралась сесть в машину, когда услышала вслед:

— Парковаться научись, курица белобрысая.

От Саши полыхнуло яростью.

В отличие от Оксаны, она была среднего роста, поэтому обошла машину, чтобы оказаться лицом к лицу с обидчиком.

— Саш, пойдем, — попросила Оксана, но встретила вызывающий взгляд мужика и поняла, что им предстоит ледовое побоище.

— У тебя проблемы, козел? — если бы не тон и слова, Саша смотрелась беззащитной принцессой перед неотесанным грубым мужланом. Только Оксана прекрасно представляла, что эта «хрупкая красота» может натворить.

— Давай, звони своему трахарю, — нагло усмехнулся мужик, — все вы хороши словами кидаться да ноги раздвигать...

Он вдруг резко осекся и побледнел, но Оксане не было его жалко. Хамить люди любят, а вот отвечать за свои слова — едва ли. Она чувствовала, что Саша ему обеспечила сильную головную боль и разбитость приблизительно на два дня, а при желании могла устроить инфаркт или инсульт, и никто ничего бы не доказал.

— Повторюсь, проблемы, козел? — спросила Саша.

— Н-неет, — сдавленно проблеял тот.

— Так ползи отсюда, пока рога целы.

Она больше не смотрела на него, села за руль и оглушительно громко хлопнула дверцей. Раздражение сестры понемногу сходило на нет, таяло, как залетевшие в салон искры снежинок.

— Куда мы едем? — Оксана удобнее устроилась на сиденье и пристегнула ремень.

— К Демьяну Осипову, — коротко отозвалась Саша, — не хочется тебя расстраивать, но ты умудрилась переспать с бывшим измененным, а потом его убили.

Оксана замерла, забыв о нелепом виде и о случае с хамом. Значит, не в полицию! Бабуле все-таки удалось! Краткие мгновения ликования сменились испугом и недоумением. С Демьяном она встречалась редко, чему искренне радовалась. Непонятно, как бабуля умудрялась водить с ним дружбу. В присутствии Осипова Оксана всегда терялась и старалась поскорее сбежать. Когда она обнаружила тело и поехала к бабуле, то надеялась утрясти ситуацию. Ведь она никого не убивала, и семья поверила. Так почему они едут к Демьяну, а не в полицию?

— Почему к нему? — не стала долго раздумывать Оксана. — Он обещал помочь?

Саша нахмурилась и покачала головой.

— Ты совсем дура или у тебя сегодня обострение? Он хочет услышать обо всем от тебя. Может статься, подозревает, что ты его прикончила. Доказательств у них нет, но и с алиби твоим паршиво. Напряги все силы своего маленького мозга и говори то, что заставит их склониться к твоей невинности. Например, не выдумывай и не сочиняй, расскажи правду. Вспомни, не следил ли кто за вами в клубе, не было ли хвоста за машиной. Сплошные козлы на дорогах! — Саша резко вывернула руль и в ответ на сигнал только плечами передернула. — Надеюсь, ты поняла, что каждое неправильное слово может дорого тебе обойтись?

Теперь до Оксаны дошло, как сильно влипла, и ее затрясло от страха. Если тот мужик — один из измененных, то ничего не спасет. Мысли снова перепутались, и Оксана с трудом справлялась с нахлынувшей на нее паникой. Как доказать, что она не убивала его? Без алиби никак. Ее подставили. Кто-то хотел убить измененного, а чувствующая под руку подвернулась. Ей нужно сбежать, вот единственный шанс.

— Саш, — тихо прошептала Оксана, с трудом сдерживая слезы. — Они же меня убьют. Спрячь меня где-нибудь.

— Совсем, — сестра ответила на свой же вопрос, выразительно постучала костяшками пальцев по лбу. — Если попытаешься сбежать или спрятаться, у них сразу отпадут все вопросы. Максимум, что тебе грозит пока — ну, если не выкинешь какой-нибудь финт ушами — безвылазно сидеть в Москве и отмечаться, пока они не найдут настоящего убийцу. Невелика беда.

Оксана не хотела отвечать за чужое преступление. Поверить, что ее отпустят, не получалось. Оставалось только надеется на дипломатические способности Саши. Бабуля послала с Оксаной на допрос именно ее. Между сестрами никогда не было дружеских отношений, но семья для них стояла на первом месте. Если у Саши ничего не получится, то Оксану осудят и казнят.

— Я его не убивала, — расплакалась она, представив учиненную над собой расправу в красках.

— Хватит ныть! — резко перебила Саша. — Не хватало еще, чтобы они увидели вместо уверенной в себе и своих словах девицы истеричного кролика. Я тебя предупреждала, что путаться с мужчинами надо избирательно. Будешь вести себя спокойно, все обойдется.

— Откуда же я знала, что его кто-то прирежет? — всхлипнула Оксана. Но слова Саши подействовали, и она постепенно успокоилась. Оксана думала о том, что невиновна и не позволит никому запугивать себя. Помогало слабо.

Местом встречи оказалась большая квартира в новостройке на Патриарших прудах. Дверь им открыл широкоплечий мужчина со светло-золотистыми волосами. Казалось в нем все большое: начиная от крупных, но гармоничных черт лица, до роста, который позволял любой высокой девушке почувствовать себя маленькой и незащищенной. «Викинг», — восхищенно подумала Оксана и почти забыла про допрос, разочаровано вздыхая, потому что сейчас выглядела, как чучело. Ничего удивительного, что взгляд мужчины задержался на старшей сестре.

Он пропустил девушек внутрь и пригласил в гостиную. Оформленная в светлых тонах комната была безликой, словно сошла со страниц журнала о недвижимости. Дорогой белый ковер, мраморный столик, зажатый серыми диванами, ничем не примечательные картины на стенах и сервант. Ни телевизора, ни забытой пепельницы или сувениров на полках. Все чисто и безукоризненно элегантно. Из чего Оксана сделала вывод, что-либо хозяин квартиры чистюля, либо она предназначалась для деловых встреч.

Она попыталась вспомнить, как проводили допросы в кино. Там подозреваемого приводили в небольшую комнату со столом, где его и допрашивали двое полицейских или агенты ФБР. Разыгрывалась схема хороший — плохой, один давил, другой пытался взывать к совести и раскаянию.

Демьян стоял возле окна и повернулся, стоило Оксане переступить порог комнаты. Она замерла под взглядом холодных серых глаз и едва не попятилась назад. Саша не дала ей сбе-

жать и втолкнула внутрь. Теперь Оксана чувствовала себя насекомым, на которое смотрят с чувством легкой брезгливости. Раздавить или нет?

Демьян Осипов обладал запоминающейся внешностью. Высокий мощный шатен с тяжелым взглядом, от которого Оксана была готова заползти под стол. Его аура была под стать внешности: сильная, темная, пугающая и тревожная. Она словно поглощала свет, паутиной черного дыма расплзаясь по комнате. Настоящее чудовище. Викинг не заставлял Оксану так нервничать, больше того, от его присутствия в комнате становилось светлее.

Демьян поздоровался, в его интонациях, взгляде и жестах явно ощущалось пренебрежение и превосходство, которые он даже не попытался скрыть.

— Располагайтесь, — холодно произнес он, кивнув в сторону диванов. Саша ответила отстраненно и холодно, что для нее было совсем не свойственно. Но прежде чем опуститься на диван не упустила возможности испытать свои чары на Михаиле — а именно так звали Викинга, коснувшись запястья мужчины. Оксана засопела от такой наглости.

«Я первая его увидела, сестренка», — так бы и сказала она, окажись они в другой ситуации.

Оксана нервно поерзала на диване, устраиваясь удобнее и стараясь не смотреть в глаза Демьяну. Ее ладони вспотели, по спине стекал холодный пот. Не будь здесь Саши, Оксана бы рухнула на колени и умоляла пощадить, но присутствие старшей придавало мужества. К облегчению Оксаны допрос вел Михаил, который не спешил обвинять ее во всех грехах. Наоборот, выбрал мягкий тон.

— Вы последняя видели Филиппа живым, — начал он без предисловий. — Расскажите все, что помните.

Запинаясь, Оксана начала говорить. Все, что запомнила, что она не заметила ничего необычного.

— Будем откровенны, Оксана. Вы могли выпить его силы и перерезать горло, чтобы замести следы.

— Нет, — выдавила из себя она и помотала головой, не сдержала смехок. Ничего себе «замела следы». Перерезанное горло куда заметнее инфаркта. — Я родилась чувствующей и с детства знаю правила. Вы же не суете руку в костер, чтобы согреться.

Ассоциация была не самой удачной, но Михаил ее понял. Он повернулся к Демьяну, словно спрашивая, если у того вопросы.

— Из любых правил бывают исключения, — коротко отозвался Осипов, пристально глядя ей в глаза, — а от ошибок никто не застрахован. Сорваться может каждый.

— Это могло случиться с первородной чувствующей, — возразила Саша, — но нас с детства...

— Помолчите, Александра, — Демьян даже не посмотрел в сторону сестры, но в его голосе прозвучал приказ «молчать», — а вот вас я с удовольствием послушаю, если есть, что сказать.

Оксана словно замороженная, не могла отвести глаз:

— Для того, чтобы сорваться, нужно долго воздерживаться. У меня с сексом нет проблем.

— Подробности вашей интимной жизни меня не волнуют, — сухо отозвался Осипов. — Пока мы разбираемся с ситуацией, я запрещаю вам выезжать за пределы Москвы до окончания расследования. Михаил, проводи девушек.

— Вы нам ничего запретить не можете, — Саша резко поднялась и дернула ее за руку, — но из уважения к вам мы выполним просьбу. Надеюсь, вы оцените это по достоинству.

Оксана ощутила, как от сестры снова полетели искры ярости. Сдержанная внешне, Саша была самой вспыльчивой в семье. Если ей овладевал гнев, то стоило залечь на дно и не высываться. Саша готова была забыть о своей безупречности и миссии благоразумия, и пнуть

высокомерного типа куда мало не покажется. Оксана предостерегающе сжала руку сестры. Не хватало только наломать еще больше дров.

— Александра, — в голосе Демьяна звучала сталь, — только из уважения к вашей бабушке я не посажу вас с сестрой под замок до того, как все прояснится. Надеюсь, вы оцените это по достоинству.

Насмешка в его последних словах была очевидна. Саша вспыхнула и потащила Оксану в коридор. На ходу нарочно задела локтем декоративную вазу, которая не разлетелась на осколки только благодаря толстому ковру. Оксана облегченно выдохнула.

— Александра, — окликнул сестру Викинг, последовавший за ними. — Оставьте свой номер, чтобы мы могли быть на связи.

Оксана не сдержала смешок. О какой связи он говорил?

Саша бросила на нее взгляд, который любого мог обратить в пепел, и назвала номер — дерзко и с выражением. После чего вызывающе посмотрела на него, а потом на пальто. Михаил улыбнулся, сохранив номер, и помог ей одеться. Оксана расстроилась — было видно, что он запал на Сашу. Сестра поиграет с ним и бросит. И разобьет Викингу сердце.

Мысли о Михаиле испарились, стоило им оказаться за дверями квартиры. Куда больше Оксану сейчас волновал Демьян и его «подозрения».

— Саш, они мне не поверили, да? Серьезно, считают, что я его выпила и прирезала? — Оксана пристала к сестре, как только они сели в машину. — Такой бред. Чего они с цепи сорвались? Понимаю, что измененных немного осталось, но пусть их тогда держат под домашним арестом, а не меня.

— Ему просто не перед кем гонор показывать. Раньше он был крут, его боялись. Привычка рисоваться осталась, а силы ушли. Козел! — последнее относилось то ли к Демьяну, то ли к пытавшемуся припарковаться парню, который перекрыл ей выезд со стоянки.

Да, теперь измененные стали частью истории. Как их только не называли — вурдалаки, нежить, вампиры. Для знающих звучало как насмешка. Быстрые, ловкие, выносливые и невероятно живые. Энергиям старших могли позавидовать первородные силы земли — вулканы. Наделенные бессмертием, они казались верхом эволюции. Около двух лет назад неизвестный вирус выкосил могущественную расу практически под корень. Тех, кто считал себя царями по жизни, осталось слишком мало. Теперь их можно было назвать только неудачниками, но сомнения у них не убавилось. Они утратили свои способности и долголетие, но не образ мысли.

— Думаешь, они просто меня пугали? — не унималась Оксана.

Раньше измененные жили разобщенно, они были врагами и соперниками, скрывали свои имена даже друг от друга, а самые умные не высывались из тени. Общее горе их объединило. Как они сейчас живут, Оксана не знала. Может, в гости друг к другу ходят на чай. Или ежедневную переключку проводят и заносят имена в Красную книгу?

— В точку. Они сами от страха в штаны наложили, — Саша уже почти успокоилась. — Понимаешь ли, теперь их убить значительно проще, чем раньше. Когда такое происходит, а ты понятия не имеешь, кто стоит у тебя за спиной, это пугает.

Оксане вспомнила о том, что не рассказала Осипову и у нее вновь вспотели ладони. О том человеке, которого почувствовала в квартире. Об убийце. Нет, она совершенно точно не готова была вернуться к этому. Тень, призрак, изваянием застывший поблизости, готовый наброситься в любой момент. Оксана помнила, как почти перестала дышать и старалась не смотреть в зеркало, в котором могла увидеть отражение. Он видел ее, но оставил в живых, потому что не знал, что она его почувствовала!

Что изменится, если она расскажет Осипову? Всем известно, что свидетели долго не живут. Ей всего лишь надо спрятаться и переждать бурю.

Единственное место, где она всегда находила приют и утешение, где могла спрятаться от любых невзгод — дом, где она родилась и выросла.

— Я пока у бабули поживу, — прошептала Оксана, и ей сразу стало ненамного, но легче.

2

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

Ольга была хороша внешне — длинноногая шатенка с глазами цвета полевых васильков, но ничего не представляла из себя в постели. Красота и асексуальность сочетались в этой женщине самым непростительным образом. Если бы манекен из витрин современных бутиков каким-то чудом ожил, первой ассоциацией с ним была бы Берестова. Глядя на секретаршу, Демьян тем не менее испытывал чувство гордости. Свои непосредственные обязанности — украшение приемной, деловая переписка, развлечение гостей, планирование и ответы на телефонные звонки, она выполняла безукоризненно. Большого от нее и не требовалась, а недостатка в женщинах Демьян никогда не испытывал.

— В десять планерка с руководителями, сразу после обеда, в час, отдел маркетинга представляет концепцию рекламного ролика по новому проекту. В большом конференц-зале. В три часа встреча с Кемеровым, — отчитывалась Ольга хорошо поставленным голосом, начисто лишенным пошловатых интонаций заигрывания. — Еще вы просили напомнить о звонках мистеру Штайне и Константину Лезину. Это все.

— Спасибо, — он кивнул, — Оля, сделайте мне чай, пожалуйста.

Секретарь кивнула и вышла. Можно было не уточнять: Берестова знала о его страсти по утрам пить черный чай со сливками и об удивительной нетерпимости ко столь любимому всеми напитку. Неприятие Демьян захватил из жизни измененного: резкие запахи и ароматы кофейных зерен раздражали, а порошок, который именовался растворимым кофе, было самое место на свалке. Будучи измененным, он мог спокойно обходиться без сна несколько суток, но нынче недосып мгновенно отзывался рассеянностью, раздражительностью и головными болями.

Привычка ложиться под утро сохранилась и в новой жизни, но стала скорее помехой, чем преимуществом. Если ты измененный, у тебя в запасе целая вечность, и все ограничения заточены под твои принципы. В мире людей так или иначе приходится соответствовать иллюзорным правилам, сколь велико не было бы твоё положение и влияние. После мора две тысячи одиннадцатого в одночасье рухнуло все, но Демьян сориентировался быстрее многих. Благодаря опыту, связям, финансовым подстраховкам и бизнесу, влиться в новую жизнь оказалось значительно проще.

Видимость благополучия была и осталась всего лишь видимостью. Измененному, разменявшему пять сотен лет, вернуться к жизни обычного человека не так легко. Вакцина вытащила из цепких лап смерти, но от жизни она спасти не могла. Последствия чумы ощущались до сих пор. Костя Лезин был одним из тех, по кому они ударили со страшной силой. Отказали почки, и он уже несколько месяцев тянул исключительно на гемодиализе. Первый, но — Демьян был уверен, что далеко не последний — случай. Вакцина была всего лишь отсрочкой смертного приговора. Они рассчитывали на десятки лет, в то время как счет шел на годы. Жить с этой мыслью было невесело.

Демьян Осипов относился к тем, для кого статус и репутация в глазах других значат много. Образ безупречного, выхоленного жесткого аристократа с годами стал второй сущью. Возможно, именно это помогло ему удержаться на грани и держать при себе выстроенное на руинах царство.

Смерть Филиппа оказалась неожиданностью в череде размеренных будней. Неприятно было то, что он прилетел в Москву, даже не потрудившись поставить в известность. Это наводило на мерзкие мысли, что Филипп не хотел встречаться и собирался решать вопросы за его спиной.

Демьян подключил все связи, чтобы разобраться в произошедшем, но пока тщетно. Концов найти не удалось.

Как назло, в деле оказалась замешана одна из девиц Миргородских. До встречи с ней Демьян не исключал возможности, что она по неосторожности могла выпить Филиппа, а потом наделать глупостей, после все вопросы отпали. Оксана была не при чем, но именно она оказалась рядом с гостем, когда его убили. Как во всей огромной Москве Филипп умудрился снять квартиру рядом с клубом, где танцевала Оксана? Не слишком ли откровенное «совпадение»?

Все, что удалось узнать, Геннадий Звоновский ему уже предоставил. Филипп прилетел из Сингапура с пересадкой в Бангкоке. Ни с кем не созванивался. Предположительно, отдохнул после перелета и отправился в ближайший клуб. Квартиру ему забронировали заранее, но телефонный номер и паспортные данные человека, на которого был оформлен договор, оказались липовыми. Риэлтор, который оформлял сделку, не первый раз подрабатывал в обход агентства. Свободная квартира всего на сутки, женщина которая звонила, была очень убедительна. Она пообещала, что завтра квартира будет свободна и прислала тройную сумму за сутки с курьером.

Незадачливому работяге не позавидуешь, да и узнать от него ничего интересного не удалось. Посыльного он, разумеется, описал подробно — напуганный до чертиков, но ты пооди найди теперь того курьера. Может статься, его и в Москве уже нет или он отправился прямо-ком за Филиппом. Звонили с мобильного, оформленного на человека, который не имел ни малейшего представления о том, что у него есть этот номер.

Дом без консьержа, никаких видеокамер поблизости. Все вещи, деньги, кредитные карты, документы и телефон на месте. Криминалист утверждал, что горло Филиппу перерезали кинжалом с утяжеленным лезвием, но поскольку оружия на месте преступления не нашли, эти сведения просто легли в копилку допущений и материалов по делу. Последним Ру видела живой Оксана Миргородская, вместе с которой они ушли из ночного клуба. Она же нашла его с перерезанным горлом, когда вернулась за сотовым. Точка.

Демьяну так не удалось связаться ни с Фелисией Лоранс, постоянной пассией Ру с прошлого века, ни с Элизабет Мур, которая вела Штаты и Азию. Филипп мертв, Фелисия исчезла: два тревожных звонка. Прежде чем раздастся третий и начнется представление, неплохо было бы почитать программу и узнать актеров в лицо.

Михаил вылетел в Нью-Йорк, чтобы узнать о ситуации на месте и сейчас все, что оставалось Демьяну — ждать. В мире измененных и после чумы сохранялось негласное разделение по территориям и иерархия старшинства. Лезть в чужие дела Демьян не стремился: возможно, это просто внутренние разборки. Ежели так, Михаил все решит на месте, лучшего дипломата нужно поискать.

Он уехал из офиса сразу, как выпроводил Кемерова. Встреча с инвестором была необходимостью, вынужденным шагом. Собственные средства позволяли Демьяну спокойно финансировать несколько корпораций на протяжении сотни лет, но в настоящем были свои нюансы. Никому не нравится абсолютная неуязвимость и независимость, особенно в Москве: в городе, где ставки игры изначально слишком высоки.

Запахнув пальто, Демьян быстрым шагом прошел к черному «Мицубиси Паджеро», сел на заднее сиденье и захлопнул дверцу.

— Куда, Демьян Васильевич? — Виктор бросил на него вопросительный взгляд в зеркало заднего вида.

— К Наталье Миргородской.

Тот кивнул и повернул ключ в замке зажигания. Подтянутый и ухоженный, с тонким инеем проседи в темных волосах, Виктор был идеален. Он никогда не задавал лишних вопросов — школа прошлой работы на серьезного человека, знал, когда стоит помолчать. Предыдущего шофера Демьян уволил за говорливость по поводу и без.

В последнюю неделю января завернули морозы, но нынче стало значительно теплее. Демьян любил холода. Он боготворил Москву и Россию отчаянно и беззаветно: не видел и не представлял своей жизни без них — со всеми радостями и горестями. Именно поэтому отказался от предложения старого знакомого переехать в Европу после чумы. Смотреть, как менялась, росла, ширилась из года в год, от эпохи к эпохе дорогая его сердцу Москва, и в каждом времени находить в своей душе искреннюю и беззаветную любовь к ней, было прекрасно.

Демьян наслаждался каждым мгновением, проведенным в этом городе, и никогда не променял бы живописный облик своей страны на сомнительные прелести Европы или блестящий продажный фантик Штатов. Десятилетия после Революции и до падения железного занавеса стали для него адом. Система с перекосом всех человеческих ценностей душила страну и людей изнутри. Демьян многое повидал, но смотреть на то, во что превращается Российская Империя, было невыносимо.

Они выбрались за МКАД, а после достаточно быстро добрались до места по Новорижскому шоссе. Когда-то здесь были дачные участки с разномастными хлипкими развалюхами, но дом Натальи всегда выгодно выделялся на их фоне. Она не изменила выбранному краю. Когда вместо дачных участков вырос современный коттеджный поселок, отказалась уезжать. Она всегда говорила, что ей нравится душа здешней земли, ее нутро.

Наталья могла себе позволить любую причуду, а Демьян не мог даже представить, чтобы она не захотела остаться. Она выбирала так же, как и он — душой и сердцем. Много лет — нынче кажется, что всю жизнь, она была и оставалась его лучшим и, пожалуй, единственным другом.

Новый дом по-прежнему выделялся из безликих, рядами выставленных на заасфальтированной улице соседей. Он был построен подальше от основных улиц, ближе к лесу: трехэтажный срубовой дом, с большими окнами — в комнатах всегда было светло даже в самый пасмурный день, широкой террасой на втором этаже и уютными спальнями под самой крышей. С другой стороны дома длинная деревянная лестница заканчивалась небольшим причалом у самой речушки, нынче замерзшей и припорошенной снегом.

— Ждать, Демьян Васильевич? — Виктор опустил стекло, когда он молча вышел из машины.

— Я освобожусь к десяти.

Наталья встречала его на улице, без труда удерживая здоровенную среднеазиатскую овчарку.

Будучи измененным, Демьян знал, что и с ней ему придется расстаться. Неизбежность с легким оттенком грусти. Теперь он был уверен в том, что Наталья его переживет, и мысль эта вызывала у него облегчение.

— Здравствуй.

— И тебе доброго дня, если не шутишь. Проходи, — улыбнулась она, — Ганнибал с утра сегодня волнуется.

Пес, ощерившись, смотрел зверем, но не рычал, подчиняясь силе хозяйки. Демьяна он редко встречал иначе. Два хищника на одной территории мирно не разойдутся.

Он прошел в дом и почувствовал аромат свежей выпечки. Наталья приглашала приходящую прислугу, но на кухне хозяйничала сама. Улыбнувшись своим мыслям, он протянул ей руку и поцеловал кончики пальцев, помогая снять шубу. Она приняла комплимент без толики жеманства, обняла его.

— Как ты? Слышала, мои девочки набедокурили.

Она называла внучек «мои девочки», и безумно любила их. Безумно, но не настолько, чтобы отрицать любую их провинность.

— Одна девочка, — он посторонился, пропуская ее вперед, прошел следом на кухню, — нашла неприятностей. Оказалась не в то время не в том месте.

В доме было тепло, и Демьян снял пиджак, перекинув его через спинку стула. В одежде он предпочитал строгий деловой стиль, исключения которому делал крайне редко. Основу его гардероба составляли костюмы серых и стальных оттенков, светлые сорочки и темные галстуки.

— Тогда зачем настрашал? — спросила Наталья с укоризной, но в глазах ее светились искорки смеха. — Сашка не на шутку разозлилась. Говорила, что ты их чуть ли не под конвоем выпроводил из квартиры и обещал все круги ада.

Она поставила на стол чайник, подала ему тарелку с теплой выпечкой. Булочки с корицей и печенье с малиновым джемом.

— Конвой Оксане обеспечен, — Демьян невесело улыбнулся, поставил блюдо на стол, достал расписные фарфоровые чашки и блюдца — позволить себе поухаживать за ней было приятно.

— Что так?

— Для ее же безопасности.

К внукам Натальи он не испытывал ни малейшего расположения. Противоречиво, странно, но как есть. Великовозрастные девицы Миргородские не были наделены и сотой долей обаяния, как их прародительница. Пустые, как большинство современных женщин, инфантильные, они привыкли получать от жизни все удовольствия и ничего не давать взамен. Если с Еленой, дочерью Натальи, Демьян общался и находил в этом искреннее удовольствие, то Саша и Оксана вызывали у него чувство гадливости. Приходилось реже ее навещать, когда поблизости ошивались «девочки».

Демьян коротко обрисовал положение дел. Наталья слушала его, не перебивая.

— Пожалуй, так будет лучше, — она выставила на стол сливки в кувшине и пригласила к столу.

Наталья поняла и не обиделась. Демьян поражался тому, как соблазнительная женственность сочетается с мужским спокойствием и рассудительностью. За годы жизни он перевидал их тысячи: богатых и бедных, красивых и дурнушек, страстных и сдержанных, но такого благозвучия, как в Наталье, не встречал ни разу. Отчасти именно это было причиной их более чем длительной дружбы. Демьян любил все необычное, а она в самом деле была необычной женщиной.

Наталья наклонилась, чтобы разлить чай по чашкам, и длинные темные волосы скользнули по смуглой коже. Временами она казалась похожей на ожившую скульптуру, одну из тех, что любила создавать сама. Хрупкую, полную откровения самой Жизни. Ей удалось сохранить не только чувственность и молодость, но и фигуру: тонкая и изящная, привлекательная красотой зрелой женщины, она преступно напоминала Полину.

Демьян не отвел взгляд, когда она подняла глаза, но будто обжегся. Слишком яркими были воспоминания. Если Наталья и поняла что-то, то виду не подала. Небрежно поправила платье и села, облокотившись о стол. В каждом ее движении сквозила естественная грация женщины, привыкшей к мужскому вниманию.

За чаем беседа потекла неспешно, Наталья ни словом не обмолвилась о случившемся. Говорили о последних постановках — он обожал театр и все, что с ним связано, о предстоящем сезоне охоты в Подмосковье, но сосредоточиться на беседе, насладиться ей по-настоящему не получалось. Наталье Демьян доверял, но рассказать о том, что кто-то проворачивает свои дела за его спиной, а он узнает об этом последним, было все равно что открыто признаться в своей слабости.

Ее присутствие всегда действовало на него чарующе, но если раньше Демьян был уверен, что это не влияние чувствующей, а искренний интерес и внимание, то нынче испытывал раздражение от собственной «слепоты». От невозможности понять, по-прежнему ему легко и просто рядом с ней, или же Наталья просто забирает его тьму.

После беседы с ней ему и вправду стало спокойнее, но лишь до того, как он вышел за порог. Разочарование своей неуверенностью обернулось бессильной злобой. Раньше ни одна шавка не осмелилась бы играть в игры за его спиной, а что изменилось нынче? Он по-прежнему способен дать любому достойный отпор. Его оставили силы измененного, но не опыт прожитых лет.

Звонок от Анжелы застал Демьяна в ужасном расположении духа. Он совсем забыл о том, что сегодня она возвращается из Италии. В отличие от него, жена восхищалась Европой. Какой толк лететь от зимней стужи в дождливые холода, Демьян не представлял. Предложение отдохнуть на Канарах она отвергла сразу: в последние полгода Анжелу преследовал нездоровый страх старения, а солнце и загар стали врагами номер один.

— Ты приедешь ночевать? Ты вообще обо мне помнишь? — Демьян уловил надрыв и истеричные нотки.

— Смени тон, — бросил он. Прозвучало резко, несдержанность звонкой монетой упала в копилку раздражения.

Повисла неловкая пауза, после чего она еле слышно прошептала.

— Прости. Я сильно устала после перелета. Так ты приедешь?

Демьян не собирался ехать в поместье. Он хотел добраться до квартиры, принять душ и на один вечер позабыть обо всем и обо всех, но вдруг мысленно вернулся к разговору с Натальей. Вспомнил, как она разливала чай и как встретил ее взгляд — карих, жгучих глаз, доставшихся ей от матери.

— Скоро буду, — отозвался он неожиданно тепло, нажал отбой и кивнул Виктору. — Домой.

3

Нью-Йорк, США. Февраль 2014 г.

В ресторане, принадлежавшем Джордану Сантоцци, Ванессу встретили у входа и проводили в роскошный вип-кабинет, сочетавший в себе комнату отдыха и обеденный зал. Пара мягких диванов, аквариум, огромный плазменный телевизор на стене и стол на двенадцать персон. Стильно и удобно, чтобы избежать лишних ушей. Сейчас стол был накрыт на двоих.

Ванесса не успела заскучать, Джордан появился через пару минут. В нем угадывались итальянские корни: римские черты лица, смуглая кожа, черные волосы и темно-карие глаза. Внешность он дополнял одеждой темных тонов, за что и получил прозвище Рэйвен. Сантоцци сложно было назвать привлекательным, но аура сильного, властного мужчины делала свое дело. Обаятельность и жестокость сочетались в нем невероятным образом. Их предыдущая встреча была мимолетной, но крайне запоминающейся.

От цепкого, хищного взгляда по спине Ванессы побежали мурашки: вслед за Рэйвеном в комнату вошел еще один мужчина. На голову выше Сантоцци, он разительно отличался от Джордана. Взлохмаченные темные волосы до плеч, грубоватые черты, маленькие светлые глаза, шрам над бровью, полный беспорядок в одежде. Если Рэйвен выглядел так, словно сошел с разворота журнала мод, то его сопровождающий походил на бас-гитариста.

— Рад, что мы снова встретились, Ванесса, — Рэйвен шагнул к ней, хищно осклабившись. Он не посчитал нужным представить здоровяка за спиной, и Ванесса решила, что это телохранитель.

— Взаимно, — улыбнулась она, подавая руку.

Сантоцци легко сжал ее запястье и кивнул в сторону стола. Крепкие руки — холеные, но сильные и грубоватые. Вполне очевидно, что ему доводилось не только красоваться с оружием, но стрелять и драться. Он раздавил проект Джека Лоуэлла, когда решил стереть с лица земли Остров, где проводили чудовищные опыты над бывшими измененными. Не из благородства и человеколюбия, а ради выгоды. Он знал, что Ванесса спонсировала проект, но позволил ей остаться в живых. Еще пару месяцев назад она бы не осмелилась просить помощи Джордана, но из двух зол выбирают меньшее. На фоне Палача у Рэйвена сохранилось неоспоримое преимущество: он не был психом. Ванесса знала, насколько он хитер, понимала, что гуляет над пропастью, но по-прежнему рассчитывала выиграть партию.

— Наше знакомство началось не слишком удачно, — оскал сменился ленивой улыбкой сытого кота. — Поэтому я не рассчитывал на продолжение и был рад твоему звонку.

— У жизни свое мнение на этот счет, — поддержала его тон Ванесса. — Кстати, почему ты так быстро согласился, Джордан?

— Ты не изменилась, — улыбка Рэйвена в одно мгновение стала жесткой, а движения — резкими, напряженным взглядом он изучал ее лицо. — Есть причина, Ванесса.

Их дуэль оборвалась: принесли закуски. Она воспользовалась передышкой, чтобы рассмотреть телохранителя Сантоцци получше. Тот замер в углу, как творение пьяного скульптора: скрестив руки на груди, ссутулившись. Длинные патлы почти полностью закрывали лицо, рубашка под пиджаком растегнута на две пуговицы, из-под нее виднелся натянутый шнурок, уходящий в вырез. Ванессе представился тяжелый амулет в виде металлического черепа.

— Ты больше не говорила со Стивенсом?

Даже не пришлось изображать удивление.

Когда Ванесса потеряла отца, ей овладели отчаянье, страх, а потом гнев. Она хотела добраться до тех, кто его подставил, заставить их заплатить. Отец работал на фармацевтиче-

скую корпорацию «Бенкитт Хэлфлайн», которая рухнула в одно мгновение, поглотив жизни ни в чем не повинных служащих. Альберт Нортон поплатился за чью-то жестокую закулисную игру, и Ванесса жаждала крови.

Спустя полгода тщетных попыток узнать о судьбе отца, она практически отчаялась. Неожиданно Ванессе позвонил Джек Лоуэлл. Они пересекались несколько раз — на выставках и съездах, этот человек работал вместе с отцом. За несколько месяцев до скандала в «Бенкитт Хэлфлайн», он якобы погиб в автомобильной аварии. Он рассказывал такое, что Ванесса повесила трубку, но Джек перезвонил и сказал, что может представить доказательства.

Она колебалась, но все же села в самолет и отправилась на встречу с ним. И столкнулась с миром, о котором предпочла бы ничего не знать. Теневая раса, существующая на протяжении тысячелетий бок о бок с человечеством. Измененные — именно они стояли у истоков того, что произошло с отцом. По крайней мере, так утверждал Джек. Он говорил, что заставит их заплатить, поставит на колени, и Ванессе нравились его честолюбивые планы. Сам он был ослеплен яростью и обидой на то, что его гений недооценили. Сломленные, одинокие и охваченные гневом, они объединили силы в работе над грандиозным проектом.

Сильные мира сего оказались на грани полного исчезновения, но Лоуэлл хотел разработать вирус, устойчивый к чуме измененных. С таким изобретением он поставил бы на колени любого жаждущего вернуть себе бессмертие. Больше того — они могли заставить власти освободить отца или, по крайней мере, позволить похоронить его по-человечески и восстановить доброе имя. У Лоуэлла были наработки, у Ванессы — деньги, но тогда она еще не представляла, во что ввязалась.

Джек прикрывался именем Вальтера, измененного. Из него вытрясли имена выживших измененных, которых Лоуэлл использовал в своих опытах, достойных нацистов. Джек жаждал стать Богом при жизни, но не срослось. Данные о разработках просочились к Рэйвену, что стоило Лоуэллу жизни, а для Ванессы обернулось знакомством с Сантоцци и Палачом.

— Пыталась, — не стала лукавить она, — но не смогла.

— Мои ребята потеряли его практически сразу, — задумчиво произнес Рэйвен, — эта крыса умеет прятаться.

Ванесса пожала плечами. Свою роль Стивенс тоже сыграл: в наследство от Джека ей достались данные с именами от Вальтера и все наработки по выведению неуязвимой расы. Она понимала, что вывезти диск с Острова не получится, но тут подвернулся Палач. Джеймс Стивенс, фанатик, упертый в своей ненависти к измененным. Он согласился ей помочь в обмен на сведения, которые она спрячет от Рэйвена с его помощью.

Теперь диск хранился в надежном месте, о котором знала только она, а Палач исчез с радаров.

— Ты говорила, что данные с Острова уничтожены.

— Так и есть, — кивнула Ванесса и поймала на себе пристальный взгляд телохранителя. Он смотрел на нее так, будто отслеживал каждый жест, вдох и выдох. Она мысленно покачала головой. Возможно, бас-гитарист здесь как раз за этим.

— И Стивенс их не видел?

— Нет.

Вот оно. По всей видимости, бывшим измененным снова прищемили хвосты. Но кто на этот раз и каким образом?

Ванесса расслабленно откинулась на спинку, изображая скуку. Официанты подали на стол горячее. Рэйвен не спешил продолжать разговор, и она не торопилась. Преимущество медленно, но верно ускользало из его рук, и они оба это понимали.

Какое-то время ели молча. Джордан ушел в себя — по всей видимости, на ходу просчитывал варианты и выбирал стратегию, а Ванесса просто наслаждалась вкусной едой и ждала. Перехваченная эстафетная палочка приятно грела руки. Должно же было и ей повезти.

Он согласился на встречу, потому что нуждался в ней. И вряд ли только для того, чтобы расспросить о данных и Палаче.

Осталось дожидаться, когда Рэйвен попросит ее об услуге и назвать свою цену.

— В Москве убит бывший измененный.

— О, — Ванесса подняла голову и с наслаждением встретила настороженность во взгляде Джордана, — думаешь, это может быть он?

— Может быть, а может быть и нет, — Рэйвен допил вино, промокнул губы салфеткой и сцепил пальцы. Он снова выглядел расслабленным и довольным.

Ванесса невольно нахмурилась, не понимая, что упустила.

— Ты так и не оставила попыток выяснить, что стряслось с твоим отцом.

Она сжала пальцы на салфетке и мысленно отругала себя за несдержанность. Хотелось выглядеть безразличной, но получалось плохо. Рэйвен ударил по самому сокровенному и наверняка знал, куда бьет.

— Брось, Ванесса. Неужели ты думала, что я отпущу тебя просто так? Я знаю о тебе все или почти все.

Она нашла в себе силы усмехнуться.

«Перед самым финишем кобыла сломала ногу», — говорил в таких случаях ее дед — он любил скачки — и был бы прав.

— Зачем я здесь?

Рэйвен повертел в руках пустой бокал и только потом продолжил.

— В нашем мире сейчас неспокойно. Нас осталось не так много, и в свое время мы провели перепись населения, — Джордан усмехнулся своей шутке, но Ванесса не поддержала. Сейчас как никогда ей хотелось расслабиться. — К сожалению, список с моим именем пропал. Женщина, хранившая его, отошла в мир иной, а ее преемника нашли с перерезанным горлом.

Ванесса с удивлением осознала, что за цинизмом и фатовством Джордан Сантоцци пытается прятать гнев и страх. Он не просто напуган, а трясется за свою шкуру, потому что не знает, с чем или с кем столкнулся. Теневой противник умен и хитер, и может обойти армию телохранителей. Сантоцци обладал могуществом, но растерял все козыри. Он обычный человек и уязвим.

Ванесса с трудом сдержала улыбку, приберегла маленькую месть на потом. Сначала нужно понять, что он от нее хочет.

— Я хочу быть в курсе происходящего. И рассчитываю на твою помощь.

Рэйвену снова удалось ее удивить. Ванесса даже не сразу нашлась с вопросом.

— Отправишься в Россию к моим друзьям, познакомишься с ними и узнаешь, как там обстоят дела с расследованием.

Вот теперь Ванесса не выдержала и рассмеялась. Шпионить для него? Какая наглость! Она не вчера родилась, чтобы лезть в интриги измененных. Ей вполне хватило того, что в прошлом году Лоуэлл чуть не пристрелил ее в приступе безумия. Да, она хочет узнать, что произошло с отцом, но мертвой идти к цели будет несколько сложнее.

Рэйвен хищно прищурился, навеявая ассоциации с птицей, имя которой носил.

— Ты моя должница, Ванесса, — он говорил мягко, но его голос напоминал глухое урчание тигра, готовящегося к прыжку, — ты обязана мне своей маленькой хрупкой жизнью. В Москве познакомишься с тем, кто способен достать сведения о твоём отце из-под земли. Ему пятьсот лет.

Он не стал развивать тему. Без слов было понятно, что отказаться ей не позволят.

Ванесса сдержанно улыбнулась, понимая, что угодила в капкан. Официант принес десерт и теперь убирал посуду, она же была рада кратковременной передышке. Пятьсот лет — даже не уровень Рэйвена. Игрок из такой лиги щелчком пальцев развеет ее прах по ветру, стоит

лишь раз оступиться. Можно ли считать проколом попытки лезть не в свое дело? У Ванессы голова шла кругом, она пыталась найти выход из западни, но не видела его.

— Чем я могу заинтересовать такого человека? — они снова остались вдвоем и можно было, наконец, продолжить разговор.

Рэйвен расплылся в довольной улыбке, окинув ее однозначным похотливым взглядом, и Ванессе захотелось вцепиться ему в щеку. К сожалению, она понимала, что патлатый скорее сломает ей запястье, чем позволит прикоснуться к бесценному телу Сантоцци.

— Расскажи ему всю правду о нашем знакомстве и не напирай, — посоветовал Джордан. — Уверен, ты справишься.

Грудь сдавило от дурноты, но Ванесса удержалась на грани. Сантоцци сейчас напоминал Дьявола, жаждущего бессмертную душу, а она сама явилась к нему с текстом договора.

— Ронни, подойди, — окликнул «бас-гитариста» Рэйвен. — Ванесса, познакомься с Ронни Халишером, он поможет тебе освоиться в России. Ронни, это твой новый босс — мисс Ванесса Нортон.

Она встретила мрачный взгляд помощника, ясно говорящий о том, что он думает по поводу такого начальства.

— Мистеру Халишеру обязательно ехать со мной? — Ронни больше напоминал конвоира, а не сопровождающего.

— Для твоей же безопасности.

Как же! Верзила станет следить за каждым ее шагом и при необходимости свернет шею за любую инициативу. Любую — значит невыгодную для Рэйвена. Ванесса чувствовала, как ловушка смыкается, но поняла, что впридачу к клетке получила и золотой ключ.

В Москве ей предстоит общаться с сильным мира сего, но он — прежде всего мужчина, и только после пятисотлетний измененный. С мужчинами у нее никогда не возникало проблем, придется найти к нему подход и действовать по обстоятельствам.

Судя по тому, что рассказал Джордан, измененные на взводе, им только дай повод — и они порвут друг друга, как бойцовые псы. Возможно, она не только узнает об отце, но и избавится от навязчивого внимания Рэйвена. Ей будет в радость преподать ему урок.

4

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

Проектор погас и в конференц-зале сразу включили свет. Все взгляды тут же устремились на него. Расчеты и бизнес-план Демьян изучил лично за два дня до защиты, и не нашел ничего, что стоило бы исключить или исправить. Презентация ему понравилась, помимо прочего, Насте Андриенко он доверял. В России хороших маркетологов по пальцам ущербной руки многостаночника пересчитать можно, и она входила в их число. Настоящая находка. Во всех смыслах.

Выдержав паузу, во время которой повисла напряженная тишина, Демьян произнес:

— Поздравляю с новым проектом. Всем большое спасибо и удачи.

По залу пронесся едва уловимый вздох облегчения, сменившийся аплодисментами. Уже на выходе Настя догнала его.

— Демьян Васильевич, есть еще пара вопросов, которые стоит обсудить.

— Пойдем, — он посторонился, пропуская ее вперед.

В школе Настю не любили из-за комплекса отличницы. Замкнутость и одиночество она возместила достижениями, стремилась всегда и во всем быть лучшей. С неуверенностью Настя справилась еще на первом курсе МГУ, а остальное пришло со временем.

В невысокой темноволосой женщине угадывался стальной стержень негибкой деловой женщины, дорогу которой переходить не стоит. В мире большого бизнеса иначе не получалось: либо ты, либо тебя.

У них был легкий, ни к чему не обязывающий роман. Маска снежной королевы, закованной в ледяную броню, таяла, стоило Насте переступить порог его квартиры. Вспоминая прошлую ночь, Демьян улыбнулся.

В приемной он замер на полуслове: на диване устроилась Анжела. Макияж не скрывал темных кругов под глазами, по опущенным уголкам губ и бегающему взгляду становилось понятно, что она взвинчена. Снова накрутила себя по поводу невесты чего.

Анжела держала в руках чашку так, будто боялась уронить, а увидев Демьяна, резко поднялась и шагнула к нему.

— Нам нужно поговорить! — тонкий голос сорвался и вышло на несколько октав выше, чем допустимо — даже Берестова подняла голову, но тут же сделала вид, что ищет документы.

— Пойдем, — Демьян мягко взял Анжелу за локоть. — Анастасия, я вас приглашу.

Андриенко кивнула и вышла.

В последнее время Анжела вела себя невыносимо. Ее несдержанность переходила все допустимые границы, но надо отдать должное, она была достойной декорацией и никогда не устраивала сцен на людях. До этого дня.

Анжела резко отняла руку, кофе выплеснулся на пол. Чашка звякнула о блюдце, отметив дрожь ее рук. Она зло посмотрела вслед Насте, бросила выразительный взгляд на Берестову.

— Достаточно, — голос Демьяна был спокойным, сильным и уверенным.

Анжела открыла рот, но осеклась под его взглядом. Демьян увлек ее за собой в коридор и дальше — в холл, к лифтам. Оказавшись с ним наедине, она снова вырвалась и сжала кулаки.

— В чем дело? — Демьян не повышал голоса.

— В чем? — выдохнула Анжела, отступая на несколько шагов. Она нервно сжимала и разжимала пальцы. — Ты меня даже не встретил, когда я приехала, и для тебя это нормально! С которой из них ты спишь?! С секретаршей или с чернявой? Со второй, да? У тебя так и не прошла любовь к смуглым брюнеткам?

Напоминание о Полине, как удар под дых, лишило Демьяна дара речи. Никому другому он бы такого не спустил.

Демьян мог ее понять. За последние годы на Анжелу многое свалилось. Особенно подкосило произошедшее с Костей Лезиным. Лишнее напоминание о том, что все они смертны и уязвимы. Во время чумы Анжела едва выкарабкалась — болезнь, ударила по ней жестоко и быстро, несмотря на возраст. Случившееся отбросило ее от сильной уверенной женщины к потерянной девице, весь мир которой замкнулся на нем и их отношениях.

После чумы Анжела ходила, как в воду опущенная. Начались истерики, страхи и панические атаки. Она боялась раньше времени превратиться в старуху, сводила с ума косметолога и массажиста, а ее ревность возросла до невероятных масштабов. В каждом увлечении она видела чуть ли не причину крушения мира.

Все они учились жить заново, лишённые бессмертия и сил. Кто-то с головой уходил в бизнес, кто-то цеплялся за прошлое и сходил с ума, кто-то покончил с собой. Демьян готов был поддержать ее и помочь освоиться в новом мире, но предел терпения есть у всех.

После пышной свадьбы они провели «медовый месяц» в Новой Зеландии. Время от времени накатывали слабые волны былой страсти. За благополучным фасадом супружества скрывалась пустота. Отрепетированный многовековой спектакль, в котором менялись лишь времена и окружение. Анжела идеально подходила на роль его жены. Благотворительность, не последнее имя в строительном бизнесе столицы, постоянные встречи, презентации, деловые поездки — все это обязывало. Она замещала его во многих вопросах, в том числе и по теме измененных.

Кем она была для него на самом деле, Демьян и сам не смог бы ответить. Они давно исчерпали все грани их отношений, воспоминания — то небольшое, что оставалось общим. Память бесценна, но жизнь не стоит на месте.

— Моя личная жизнь тебя не касается, — отрезал он, — если ты еще раз выкинешь нечто подобное, ты перестанешь быть Осиповой, Анжела. Я не потерплю рядом истеричку. Человеческая жизнь для этого слишком коротка.

Виски пронзило болью. Демьян поморщился, прислонился к стене и ослабил галстук. Вернулись частые гости последних месяцев — головные боли. От лекарств не было никакого прока, МРТ ничего не показало. Лучшие врачи по всему миру разводили руками. Немногим позже ухудшилось зрение. Очки вписались в его новый стиль, но уязвимость раздражала.

— Что с тобой? — в ясных голубых глазах Анжелы застыло раскаяние.

Она протянула руку, чтобы коснуться его щеки, но Демьян покачал головой. Анжела глубоко вздохнула и отступила.

— Прости меня, — теперь она шептала. — Демьян, прости, пожалуйста. Я не знаю, что со мной происходит, я... Я безумно боюсь тебя потерять. Я не смогу без тебя.

Он оттолкнулся от стены, протянул ей руку.

— Пойдем. Я тебя провожу.

— Ты приедешь сегодня домой, помнишь, что позвал Мишу? — ее голос звенел от страха.

Стрельников сегодня возвращался из Штатов, и Демьян пригласил его на ужин. Приветственный жест, в какой-то мере вынужденный — перед тем, как перейти к делам. Он пока не говорил Анжеле о том, что произошло с Филиппом и не собирался: до той поры, пока обстоятельства не прояснятся. Демьяну хватило ее припадка, когда она узнала о Лезине.

— Разумеется, я приеду, — бросил он, — а ты помни, что ты должна держать себя в руках.

— Я буду! — прошептала Анжела. — Демьян, я правда...

Он взглядом пресек попытки продолжать. В приемной накиннул на плечи жены шубу, вызвал Виктора и попросил отвезти ее домой, сказал Ольге, что занят для всех, прошел в кабинет и захлопнул за собой дверь.

Голова казалась налитой свинцом, тупая, ноющая боль текла сквозь виски, не позволяла сосредоточиться ни на одной мысли. Демьян достал таблетки из верхнего ящика стола, проглотил одну, не запивая водой, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. С какими новостями сегодня приедет Михаил?

В былые времена они встречались еженедельно, и выходили такие встречи на удивление теплыми. Дружба осталась в прошлом, но Михаил согласился помочь по первой просьбе. Поначалу Демьян подумал, что это может быть завязано на Анжеле, что Стрельников так и не избавился от своей болезненной любви-одержимости, но его откровенный интерес к Александре Миргородской говорил об обратном.

Пропасть, раскинувшаяся между ним и Михаилом, была очерчена ясно. Возводить над ней мосты Демьян не спешил, но ему нужен был тот, кто займется делом Ру, зная все о его прошлом.

Глава службы безопасности Демьяна, Геннадий Звоновский, был хорош всем, кроме одного. В свое время работал в ГСУ[1] Москвы, у него имелись отличные связи и выходы. Геннадий знал об измененных с самого начала, когда пришел к нему десять лет назад. Но его парней посвящать в тайны своего прошлого Демьян не хотел. Не потому что не доверял, просто некоторые грани людям переступать не следует. За самого Звоновского он поручился бы: жесткий, преданный мужик, готовый перегрызть глотку любому, кто перейдет ему дорогу. Безупречный исполнитель, но в столь щекотливом деле он оставил Геннадию связи с полицией и выходы на источники информации вне теневого мира.

День, как назло, растянулся во времени. Один за другим посыпались телефонные звонки — от инвесторов, деловых партнеров, внутренняя текучка невероятно раздражала. Вырвавшись из офиса на полтора часа позже, чем рассчитывал, Демьян чувствовал себя невыносимо уставшим.

Поместье неподалеку от Истринского водохранилища напоминало неприступную крепость, тишину которой нарушали бой старинных часов, игра Анжелы на рояле и редкие приемы гостей. Охраны здесь было не меньше, чем прислуги. Ребят подбирал Звоновский, а домашним персоналом занималась Анжела. Чтобы содержать огромный дом, требовалось много народу: он не терпел даже намеков на беспорядок. У прислуги было свое крыло — посторонних Демьян не любил, а при бешеном ритме его жизни тишина становилась поистине целительной.

Михаил должен был приехать с минуты на минуту, поэтому он быстро принял душ и спустился в гостиную. Анжела уже дожидалась его: тихая и покорная, как всегда после ссоры.

— Добрый вечер, Демьян, — он любил ее голос: мелодичный и звонкий, как весенний ручей. За одно лишь звучание Демьян в свое время прощал Анжеле многое. Едва уловимый шлейф духов коснулся его, когда она наклонилась, обнимая за плечи и легко целуя в щеку. Он заправил тонкую льняную прядь, выбившуюся из прически, за ухо, провел пальцами по тонкому запястью, невольно любуясь ею. Не хотелось вспоминать о безобразной сцене в офисе, но визгливые нотки упреков до сих пор резали слух.

Он придавал большое значение внешности, и Анжела никогда не позволяла себе выглядеть неухоженной. Сегодня она выбрала атласное платье кораллового цвета, с глубоким, но не пошлым декольте — Демьян не терпел крикливых и вызывающих нарядов — свободным рукавом до локтя и пышной юбкой чуть ниже колен. Цвет ей шел, равно как и высокая прическа. Легкий макияж оттенял изящные красивые черты.

— Восхитительно выглядишь, — коснувшись губами кончиков пальцев, он отметил тень растерянности, скользнувшую по ее лицу, а в следующее мгновение Анжела расцвела искренней и светлой улыбкой.

— Спасибо. Стол уже накрыт, я обо всем позаботилась, — поспешно добавила она, — рада, что ты пригласил Мишу в гости. Вам давно стоило поговорить о прошлом.

— Возможно, — Демьян напомнил себе, что она пока что ничего не знает о Филиппе. Это ненадолго, но пусть лучше думает, что он решил помириться со Стрельниковым.

— Друзьями не разбрасываются, — негромко произнесла Анжела. — Особенно теперь, когда мы все люди, нам стоит держаться вместе... Все будет как прежде, если ты позволишь.

— Не хочу тебя расстраивать, моя дорогая, но как прежде уже ничего не будет.

— Знаю, у тебя есть повод ему не доверять, но это былое.

Второй раз за день она отвесила ему ментальную пощечину: первую — о Полине, нарочно, вторую — мимоходом, даже не задумавшись о своих словах. Ответить Демьян не успел: мелодичный звонок переливчатым эхом прокатился по дому.

Они встречали Михаила вместе, совсем как в старые-добрые времена. Анжела при появлении Стрельникова оживилась, он же легко поцеловал тыльную сторону ее ладони, пожал руку Демьяну, мгновенно переключив свое внимание на него.

Она поджала губы, выражая свое неудовольствие. В памяти по-прежнему жила привычка к вниманию и крайне трепетному отношению с его стороны, поэтому мимолетное приветствие восприняла чуть ли не как оскорбление. Анжела поспешно вышла, чтобы распорядиться по столу, а Михаил кивнул ей вслед.

— Она в курсе того, что произошло?

— Пока нет. Какие новости?

— Не слишком обнадеживающие, — улыбка Михаила растаяла, сменившись сосредоточенным и хмурым выражением. — У Элизабет полтора месяца назад начались серьезные проблемы с сердцем. Операции она не дождалась, но успела передать свой список. И вот это покажется тебе интересным. Ее преемниками стали Филипп и Фелисия. Кто-то из них, но кто именно, неизвестно. Фелисия исчезла. Ее нигде не могут найти.

Такого Демьян не ожидал: история приобретала более темный оттенок, чем он предполагал. Во время чумы списки выживших сложились сами собой и были поделены территориально. Достать вакцину было дорого и нелегко. Те, кто мог себе это позволить, выходили на старших и таким образом раскрывались. Демьян действовал через Вальтера, но имена выживших в России к нему не пропустил. Европейский список держал сам Вальтер, а личности азиатов и американцев хранились у Элизабет. В их руках сосредоточилась полная программа по спасшимся измененным. Исключая тех, у кого были свои каналы на игру в высшей лиге.

Список исчез вместе с Фелисией, а Филиппа убили на его, Демьяна, территории. Бросили тень на его репутацию.

— Какие там настроения? — спросил он, задержавшись перед дверями в столовую.

— Трясутся от страха и подозревают всех подряд. Мне намекнули на одного молодца, который слишком рвется к власти, но это всего лишь домыслы. Про Россию, молчат, но сам понимаешь... Сейчас у них сложно с доверием. Я бы поставил на то, что кто-то хочет подбросить ко всем спискам.

— А я бы не стал делать поспешные выводы, — Демьян вовремя понизил голос — из столовой вышла Анжела, — но я переговорю с Вальтером на эту тему.

Стол к ужину был великолепен: меню, сервировка — все идеально. Анжела превзошла саму себя, будто извиняясь за утренний скандал. Демьян надеялся, что она в самом деле извлекла из этого урок и отныне все перепады ее настроения останутся в стенах дома.

— Что нового в Петербурге?

— Стало также тесно, как и в Москве, — Михаил явно говорил не о том, что его любимый город становится шумными и многонациональным, а о себе. Короткая человеческая жизнь задает совершенно другой ритм: постоянно хочется куда-то бежать, что-то делать, все время кажется, что оступишься, замешкаешься — и все. Точка.

— В больших городах не бывает спокойно, — Анжела поняла буквально. В последние годы она существовала в своей реальности, и редко чувствовала истинную глубину слов. — Мы всегда можем уехать.

В отличие от Михаила, Анжела не разделяла его бесконечной любви к России. Она не понимала, как с его непостоянством он остается верным одной-единственной стране и городу, а главное, ради чего.

— Мой дом здесь, — ответил Стрельников.

Фраза прозвучала двусмысленно, но от нее стало тепло. Говорил ли Михаил о родном языке или о старой дружбе? Демьяну хотелось верить, что и о ней тоже. Уязвимость так или иначе делает тебя сентиментальнее.

— Лучше и не скажешь, — негромко отозвался он.

— Знаю, — тепло ответил Стрельников. — Расскажите, как вам живется.

Говорили обо всем. Так, будто и не было долгих лет, что раскинулись между ними пропасть. Ужин пролетел незаметно. На несколько часов Демьяну удалось отвлечься. Дружба с Михаилом растворилась в потоке времен, оставив лишь горькое послевкусие сожаления. Былого не вернуть, но мысль о том, что в настоящем все может выйти по-другому, была ему приятна.

После, в его кабинете, Михаил рассказал обо всем подробнее.

Стать преемником Элизабет рвался некий Джордан Сантоцци по прозвищу Рэйвен. Он не разменял и сотни лет, но наглости ему было не занимать. Выходец из гангстерского клана, Сантоцци якобы никак не мог смириться с потерей своей власти. Его не принимали всерьез, не спасало даже огромное состояние и свита, как у монаршей особы. Американец здорово нервничал на сей счет, но поделаться ничего не мог. В мире измененных умение нагнать в свою команду восхищенную массовку мало что значило.

Из того, что рассказал Михаил, основные подозрения капали на счет Рэйвена.

— Проверь его, — попросил Демьян, — я хочу знать о нем все.

В беседах с Михаилом об этом молчали, но многих наверняка смущала Россия в его лице. Такой сценарий Демьяну не нравился. Единоличное владение двумя списками и дружба с Вальтером — это почти абсолютная власть. В мире измененных кланы не приветствовали. Никому не хотелось докатиться до кровавой резни в местечковых войнах. От тех, кто увлекался играми такого толка, избавлялись быстро и без сожалений.

Нынче все было по-другому, но Демьяна раздражало то, что кто-то прикрывается его именем и пакостит на его земле. С подобной гадостью надо разбираться быстро, пока она не начала вонять.

Прощаясь с Михаилом, Демьян проводил его до машины.

— Спасибо, что приехал, — он пожал ему руку, — и за то, что согласился остаться.

Он вложил в слова гораздо больше, чем простую благодарность. Михаил сторонился мира измененных, проблема Филиппа и американцев могла пройти мимо него, тем не менее он ввязался в крайне неприятное дело. Нынче его поддержка была бесценна.

— Я не мог поступить иначе, — он не набивал себе цену и не рисовался.

Они оба нашли в себе силы перешагнуть через прошлое, и Демьян был рад этому.

[1] ГСУ — Главное следственное управление.

5

Тюменская область, Россия. Февраль 2014 г.

Темнота сомкнулась вокруг плотным кольцом, сгущая воздух и мешая дышать. Он знал, что здесь не один, но чувствовал только едва уловимое движение вокруг. Что-то жило в этой непроглядной тьме, что-то изначально ужасное и неотвратимое. Джеймс попытался шагнуть вперед, движения были тщетными и слабыми, как если бы он продирался сквозь вязкую трясины.

— Я была твоей единственной связью с миром, — голос, лишенный чувств, безжизненно-равнодушный. — В болезни и здравии, Джеймс, в горе и в радости. Ты пойдешь за мной в Смерть?

Он знал, что не увидит ее, но все же напряженно вглядывался в темноту — туда, где по ощущениям стояла Хилари.

— Тут очень темно, Джеймс. Темно и холодно. А еще здесь повсюду... — последние слова потонули в треске радиопомех. Мгла таяла на глазах, расплзалась белесым туманом. Сырость и холод пробрались внутрь, змеей обвивая позвоночник и растекаясь по телу. Он дрожал как в лихорадке. Движение совсем рядом, скользкое прикосновение к щеке. Тонкие пальцы, сомкнувшиеся на его запястьях: сухие, ледяные, как сломанные ветки. По тыльной стороне ладони скользнуло что-то склизкое, а в следующее мгновение руку обожгло болью.

— Неприятно, когда тебя пожирают изнутри, — из-под коросты мертвых пальцев по его рукам заструилась обжигающая кровь, и он вынырнул из тяжелого сна, одним резким рывком. Открыл глаза, хрипло выдохнул. Теплое стеганое покрывало валялось на полу, пальцы судорожно сжались на саднящем запястье.

Джеймс замер, молча глядя в потолок, и прислушиваясь к глухим гулким ударам сердца. По ощущениям еще ранее утро. Повернув голову, он увидел на электронном табло цифры: четыре пятнадцать. Дыхание казалось слишком громким, а сон больше не шел.

За семь месяцев Хилари приснилась ему впервые.

Он сбежал туда, где никому не мог причинить вред. Российская глубинка, дом, от которого до ближайшего поселка миль тридцать. Бездорожье, лес, и дикие звери, включая его самого. Он пришел к старому знакомому за помощью, и Петр нашел ему убежище.

Каждый день жизни Джеймса напоминал схватку с самим собой. Поначалу он бросался на стены. В одиночестве внутренние демоны разгулялись на полную. Они выли, царапались, драли на части тело и разум. За все приходится платить, в том числе и за силы, которые берешь взаймы. Последствия месяца на стимуляторах обернулись жестокой пыткой. Ломки шли одна за другой, а в перерывах между ними полузабытые реальности обретало очертания Ада.

Каждый день был похож на другой, но все же он обрел жалкое подобие временного перемирия. Джеймс не сумел отказаться от своей темной стороны раз и навсегда. Но осознанный выбор человека совсем не то же самое, что агония раненого зверя, дошедшего до безумия в своей жажде убивать.

Он поднялся, рывком швырнул покрывало на койку и потер руки, выдыхая пар. Отсутствие условий мобилизовало и помогало держать себя в тонусе. Плеснул в лицо ледяной водой и почувствовал себя значительно лучше. Автономный обогреватель Джеймс включал каждый день только для того, чтобы не выстудить дом окончательно. Холод здорово прочищал мозги и позволял сосредоточиться на выживании, а не на том, что осталось в прошлом. Особенно холодными были ночи.

Он немного постоял у окна, разгоняя остатки сна, а потом подхватил куртку, надел шапку и вышел из дома. Морозный воздух ворвался в легкие, и Джеймс перешел на бег. Утрен-

няя пробежка стала началом ритуала, в распорядке дня присутствовала практически армейская дисциплина. Тренировки и упражнения, в стрельбе, с холодным оружием, физические нагрузки, чтобы не терять форму. Колоть дрова, расчищать снег, занять все свободное время. Каждый день — до той грани, когда подъем второго дыхания переходит в усталость.

Он не мог не думать о том, почему ему приснилась Хилари. Вчера он снова убивал.

Джеймс редко забирался глубоко в лес — в этих местах было много волков, но во время дневной пробежки ушел в себя. Остановился только тогда, когда оставил за спиной несколько миль. И чье-то присутствие.

Взгляд зверя он ощутил всей кожей. Воздух уплотнился, пропитанный предвкушением предстоящей схватки. Джеймс знал, кого увидит, когда обернется. Волк осторожно ступал по снегу и теперь замер, ощерился, показывая клыки. Внутри словно сорвалась невидимая пружина, отпуская закованного в кандалы Палача. Спустя мгновение друг напротив друга стояли уже два зверя. Джеймс поймал себя на мысли, что улыбается, отводя руку за спину, глядя рычащему волку прямо в глаза. Пальцы сомкнулись на рукояти ножа в тот самый момент, когда зверь бросился вперед.

Джеймс знал, что у него всего одна возможность, а волк чувствовал опасного противника и метил в горло. Увернувшись от первой атаки, Джеймс позволил хищнику насладиться преимуществом, и встретил второй бросок. Зубы клацнули в сантиметрах от лица и сомкнулись на рукаве куртки. Запястье обожгло болью, впрыснувшей в кровь очередную порцию адреналина, а в следующее мгновение Джеймс уже вонзил нож волку в шею.

Хриплый рык перешел в скулеж, хватка ослабла. Он сбросил с себя быющего в агонии зверя, резким движением выдернул нож, перекатился и поднялся. Джеймс, не отрываясь, смотрел, как кровь заливает снег, чувствовал, как запал охотника сводит с ума, будоражит и пробуждает самые низменные инстинкты. Он убивал вчера, но до сих пор вспоминал быструю борьбу, стальные челюсти, сомкнувшиеся на запястье, вязкий, густой аромат свежей крови. Неужели это единственное, что способно вернуть его к жизни?

До убийства Джеймс чувствовал себя роботом, выполняющим заданную программу, но схватка с волком выдернула его из оцепенения. Он будто проснулся после затяжного сна, весь вечер тренировался на износ, выбрасывал накопившееся напряжение и возбуждение, а после ему приснилась Хилари.

Сегодня Джеймс не стал уходить далеко от дома и углубляться в лес. Встреча со стаей убитого зверя могла закончиться для него плачевно. Волки мстят за своих: целенаправленно и до победного, и, в отличие от людей, они никогда не предают. Внутренние демоны, разбуженные кровью, снова выли и скребли когтями, бросаясь на стальные прутья установленной им же самим клетки: убивай или умри.

Он вернулся с пробежки, позавтракал и перешел к тренировкам. Утренние — те, что до рассвета, для Джеймса всегда были вызовом самому себе. Он прекрасно знал, что не всегда под рукой окажется прибор ночного видения, а когда ты выходил в темноту наравне с измененным, без подготовки ты обречен.

Джеймс познакомился с этой методикой в лагере Ордена под Москвой. Она включала в себя не только упражнение в меткости с холодным оружием или тренировку реакции во тьме, но и обострение органов чувств. Иногда на зрение рассчитывать не приходилось, и тогда подключались слух и осязание. Чувствительность к малейшему шороху, способность уловить едва заметное движение рядом. То, что не раз спасало ему жизнь.

Джеймс старался не думать о том, что произошло, но пальцы сами сжимались, обхватывали рукоять несуществующего ножа. Кровь дымилась, как кислота, прожигала ослепительную белизну снега, царапины от клыков на запястье пульсировали болью.

Ближе к обеду он услышал рокот мотора снегохода, и, остановившись у окна, равнодушно взглянул на мужчину, идущего к дому по расчищенной дорожке. Джеймс не так часто выби-

рался в город — только чтобы пополнить запасы, и никогда не задерживался дольше, чем было нужно.

Он слышал, как мужчина подергал дверь — безрезультатно, подошел к ближайшему окну.

— Эй! Есть кто?! — он постучал, но Джеймс не пошевелился. Выругавшись, тот пошел в обход, проваливаясь в снег.

Джеймс выждал немного, быстро пересек комнату, толкнул дверь и направился в импровизированную спальню. Свет сюда практически не проникал из-за склонившихся к самой раме ветвей. За расчерченным морозным узором стеклом почтальон безуспешно вглядывался в темноту окна. Джеймс шагнул вперед в тот момент, когда мужчина потянулся, чтобы постучать.

— Есть кто... Тыфу ты, черт! — глухо вскрикнул тот, шарахнулся назад, неуклюже повалился в снег и потому не увидел странной, звериной ухмылки на губах адресата, больше напоминавшей оскал.

В телеграмме было два коротких слова: «Приезжай. Срочно». Как ответ на его последние мысли, на то, что случилось вчера. Грань, когда одиночество было спасением, Джеймс уже перешагнул.

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

«Домодедово» ничем не отличался от большинства современных крупных аэропортов. Огромные площади, толпы людей, голоса, шум, плывущий по лентам багаж, закадровые голоса сотрудников с объявлениями. Он миновал восторженных встречающих, хаотически движущуюся стену объятий, перехватывания тяжелых сумок и чемоданов друг у друга, поцелуев, слез и улыбок.

Джеймс вышел из здания и мгновенно был атакован напористым таксистом, оказавшимся шустрее своих коллег. К другой машине скользнула яркая женщина в норковой шубе. Прошло семейство в пуховиках — приземистый тучный мужчина, пухлая женщина. Вцепившись в ее руку, рядом не шел, а катился ребенок-колобок. Все с нахлобученными на уши теплыми вязаными шапками, такими же шарфами, из-за которых едва были видны лица. После морозов российской глубинки Джеймсу казалось странным видеть людей, одетых по моде ядерной зимы. Сам он даже куртку не застегнул.

Таксист упирал на то, что в вечернее время готов работать за смешные деньги, потому что так сложилась ситуация в семье. Джеймс не стал выслушивать его излияния, не сопротивляясь сел в машину, снял рюкзак и откинулся на спинку сиденья. Он размышлял зачем Петр вызвал его.

Орден был расформирован, бывшие измененные представляли опасность разве что для себя самих. Он одновременно хотел и не хотел знать о том, что, возможно, ничего еще не кончено.

— Из командировки? — громкий голос таксиста не позволил погрузиться в мысли.

— Можно и так сказать, — на русском Джеймс говорил отлично, а выдавал его разве что легкий акцент.

— Вы откуда?

— Из Тюмени.

— Как там на севере?

— Много снега.

Таксист смачно хрюкнул, по всей видимости, решив, что это шутка. Открыл окно, достал пачку «Мальборо».

— Не возражаете, я надеюсь? — это было сказано развязно, словно он обращался к хорошему знакомому, которого не видел пару лет. Водители такси в принципе особая раса, а русские таксисты — вершина ее эволюции.

— Не стоит, — отозвался Джеймс и перехватил в зеркале заднего вида взгляд, полный презрительного непонимания в стиле: «И какой же ты после этого мужик?!» Дышать табачным дерьмом Джеймс не желал, после жизни в лесу он и так слишком остро чувствовал все примеси городского воздуха.

— Куда? — без особого энтузиазма поинтересовался тот.

Он назвал адрес и прикрыл глаза, наслаждаясь возможностью остаться наедине со своими мыслями. Разочарованный несговорчивым пассажиром водитель не проронил больше ни слова, и Джеймс был искренне рад этому.

Квартира на Волжском бульваре, неподалеку от станции метро Кузьминки, скорее всего, принадлежала Петру. В Ордене, благодаря замороченной системе конспирации, с дружбой не ладилось. Имена коллег заменяли легендами, а данные об истинных лицах хранились в базе, доступ к которой был засекречен покруче, чем к материалам Пентагона или ФБР.

— Я подъеду, — коротко, без лишних приветствий, отозвался Петр, когда Джеймс набрал его номер.

Вечерняя Москва сверкала и переливалась разноцветными огнями, как рождественская ель, дорога пестрела россыпью мелькающих перед глазами фар, мигала гирляндами освещения. При всем желании Джеймс не мог вспомнить, что делал на прошлое Рождество. Каждый день вдали от цивилизации был похож на другой, как бесчисленные бусины, нанизанные на проволоку. Он не смотрел на календарь.

Поздний вечер пятницы обошелся без пробок, и когда такси подъехало к дому, машина Петра уже стояла у подъезда. На лавочке обнимались подростки, запивая холодную любовь джином «Гордонс». При его появлении девушка испуганно отстранилась, но взгляделась в лицо, не признала соседа, и вернулась к откровенным поцелуям и лапанью своего парня.

Поднявшись на лифте, Джеймс дернул ручку приоткрытой двери и шагнул в прихожую.

— Погано выглядишь, — выглянувший их кухни Петр, с полотенцем наперевес и огромным мясным ножом в руке издали походил то ли на отца семейства, то ли на несостоявшегося маньяка. Выше среднего роста, широкоплечий и приземистый, с резкими чертами лица и массивной челюстью. Он ничуть не изменился с того дня, когда Джеймс увидел его впервые в тренировочном лагере.

— Я тоже рад тебя видеть.

На кухне было тепло. На столе, покрытом пестрой клеенкой, стояли рюмки, бутылка водки, лежала нарезанная толстыми ломтями буженина, сыр и хлеб.

Джеймс прошел в ванную — роскошь, недоступная ему последние месяцы, и долго всматривался в свою заросшую физиономию. Он не представлял, что отпустит бороду и длинные патлы и подастся в отшельники. По ощущениям прошли не месяцы, а годы.

Заломы в уголках глаз прорезались благодаря солнцу. Отражаясь от снега, оно слепит хлеще, чем в тропиках. Глубокие морщины на лбу появились от привычки хмуриться. В волосах добавилось седых прядей.

Тридцать три? Сейчас он выглядел на все сорок, если не старше.

Принять душ после перелета и долгого отсутствия горячей воды — словно очутиться в Раю. Джеймс тер себя мочалкой с ожесточением, надеясь стереть всю грязь последних лет. Завернувшись в банное полотенце, он вышел на кухню, где Петр уже разливал водку.

— Я грешным делом подумал, что ты в ванной жить останешься.

— Посидел бы в лесу с мое, я бы на тебя посмотрел, — отозвался Джеймс. Хотел улыбнуться, но получилось отвратительно: губы изогнулись в кривое подобие усмешки.

— Я тебе предлагал задержаться в Москве, но ты решил побыть отшельником.

— Что верно то верно, — не развивая больше эту тему, Джеймс молча поднял рюмку и, не чокаясь, выпил. Водка разлилась внутри обжигающим теплом, и он некстати подумал о подростках и «Гордонсе». Русские пьют «Гордонс», он — водку. С миром определенно что-то творится. Хотя тот «Гордонс» наверняка подделка. Некстати вспомнилось, как они с Хилари целовались на причале — под шум волн, запивая поцелуи вином и подставляя лица соленым брызгам. Лунная дорожка отливала серебром, а море казалось черным.

Какое-то время они ели молча, как будто Мельников поймал его настроение и не спешил нарушать тишину. Светильник на кухне — желтый конусообразный абажур — отбрасывал треугольную тень на стену. В темноте за окном отражалась вся небогатая обстановка: старый кухонный гарнитур, приютившаяся у стены стиральная машинка, холодильник, стол и они сами.

Петр не выдержал первым. Он отодвинул тарелку и пристально, испытующе посмотрел на Джеймса.

— Семь месяцев в глуши. Решил остаться там навсегда?

— Была такая мысль.

Джеймс поднял голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Они познакомились в декабре две тысячи десятого, когда Джеймс приехал в Россию на обучение. Руководитель оперативной службы Ордена Москвы, коренастый брюнет со шрамом, перечеркнувшим лоб, висок и зацепившим щеку, наводил ужас на всех новичков своей жестокостью. Вопреки расхожему мнению, «метку» Петр получил в Чечне, а не во время одной из многочисленных операций по захвату измененных, которые проходили под его началом.

Мельников стал его наставником и командиром, и во многом благодаря ему Джеймс был до сих пор жив. Он рассказал ему не только о тактике и стратегии, но и об уловках и трюках измененных. Петр не скрывал, что хотел заполучить Джеймса в свою команду — результаты, которые он показывал на полигоне и в игровых рейдах, были не просто лучшими, но исключительными. Там, где другие пасовали перед изматывающими тренировками и страхами, Джеймс выкладывался на полную и шел вперед. Какое-то время он работал в Москве, но потом в Бостоне серьезно обострилась обстановка с измененными, и его направили туда.

Доверие. Когда Джеймс, как бешеный пес бежал в Россию, ему казалось правильным обратиться к тому, кто взял его под свое начало и после рекомендовал в Штаты. В другие времена не получилось бы: официально он считался погибшим после провальной операции под Солт-Лейк-Сити. «Воскрешение» грозило ему внутренним разбирательством и судом, будь все по-прежнему, но чума измененных отняла работу у Ордена. В мире, где нет кровососов, охотники на них не нужны.

— Зачем ты меня вытащил? — он смотрел на Мельникова в упор. Тот выдержал взгляд, нахмурившись.

— В Москве убит бывший измененный.

Джеймс с трудом удержал смешок. Одним бывшим кровососом меньше, какая трагедия! Почему это волнует бывшего орденца — уже совсем другое дело, но подумать развить эту тему Джеймс не успел. Коротко пикинул сотовый Петра. Мельников действовал слишком быстро, чтобы поверить в его желание прочесть сообщение, но Джеймс не пошевелился.

Глядя в дуло пистолета, нацеленного на него — это было приятнее, чем в глаза предателя, Джеймс не испытывал никаких эмоций. Еще до того, как с треском распахнулась входная дверь, сопровождаемая топотом ног вломившейся в квартиру оперативной группы, Джеймс медленно поднялся. Когда свои обрушиваются выводком цепных псов, тут впору гордиться своей репутацией.

— Мог бы сразу пригласить в штаб.

Ответом ему был холодный, колющий взгляд Мельникова, и Джеймс подумал о том, что для Петра предатель именно он. Что ж, так и есть.

Джеймс медленно поднял руки, сцепив их за головой, как будто потягивался, равнодушно смотрел на ввалившихся в кухню в полной экипировке бывших коллег.

Орден снова в деле?.. Хорошенькие новости.

6

Дачей семья Миргородских называла загородный дом в Подмоскowie с большой гостиной, столовой с кухней, пятью спальнями и художественной мастерской, поделившей второй этаж с библиотекой. Бабушка жила здесь постоянно, лишь изредка выбиралась в Москву.

После допроса Оксана собрала вещи и удрала сюда, где не нужно прислушиваться к звукам по ночам и опасаться встречи с убийцей. Первые дни ужас стал постоянным спутником и сводил с ума. Стоило закрыть глаза, и она видела окровавленные простыни и тело любовника, чувствовала, как за спиной вырастает зловещая тень его палача. Рядом с бабушкой, среди знакомых с детства вещей и запахов, страхи исчезали.

Оксана всегда отличалась любознательностью и жаждой приключений. В три года в гостях залезла в вольер к огромной овчарке для того, чтобы погладить щенков. В семь забралась на дерево в парке, а потом орала как котенок, потому что боялась спуститься. Чуть не утонула в речке, когда пыталась переплыть от одного берега к другому. Правда, никому об этом не рассказала.

Бабушка никогда не ругала их с Сашей. Самые страшные наказания, которые выпадали на их долю — убирать вольер или готовить завтрак две недели подряд. В детстве такое воспринималось тяжелым трудом, но сейчас даже казалось забавным.

В этот раз тоже не обошлось без наказаний. Наталья Валентиновна заставляла внучку подниматься с рассветом. В городе Оксана спала до обеда, а на даче подстраивалась под ритм бабушки и заново привыкала к правилам.

Наталья Валентиновна позволяла называть себя бабулей только в кругу семьи. Она следила за собой и даже в одежде, в которой работала в мастерской, выглядела женственной и очаровательной. В детстве Оксана серьезно считала ее волшебницей. Скульптуры Натальи Валентиновны казались живыми, а сам процесс их создания напоминал чудо.

Бабушка творила шедевры не только в мастерской, но и на кухне. Она передала им с Сашей свои лучшие рецепты. Оксана любила готовить, в отличие сестры-белоручки.

Время на Даче текло медленно и лениво. Подавшись порыву сорваться за город, Оксана немного жалела о своем решении. Единственной доступной техникой на даче были музыкальный центр, обычный телефон и стиральная машина. Телевизор и компьютер Наталья Валентиновна считала ненужными. Она читала бумажные книги, а новости узнавала старым как мир способом — общаясь с другими людьми. Оксана не понимала прелести такого средневековья, но Наталью Валентиновну это не беспокоило. Будучи человеком творческим, она наслаждалась возможностью «созидать, не отвлекаясь на современную мишуру».

У нее был постоянный любовник, и его визиты Оксане давались нелегко. Никакой неловкости она не испытывала: они с Сашей с малых лет знали, откуда дети берутся и что в сексе нет ничего страшного, грязного или запретного. Дело было в другом. Как и все чувствующие, она улавливала малейшие колебания сексуальной энергии, и после взбодораженная и хмурая, долго не могла заснуть.

Наталья Валентиновна делилась с ней силами, но это не шло ни в какое сравнение со вкусом истинной близости. В такие моменты ей отчаянно хотелось сбежать в город, ворваться в клуб, потянуть пьянящую энергию жизни какого-нибудь привлекательного парня и забыться в его объятиях. Но потом она вспоминала Демьяна и думала, что секс подождет.

Интернет на планшете почти не ловил, и Оксана довольствовалась музыкой, общением и библиотекой. У бабушки было шикарное собрание книг, как классиков, так и современников, которое постоянно пополнялось. В каждой спальне стояли книжные стеллажи, чтобы каждый мог держать любимые романы поближе. В общей библиотеке сделать это было невозможно.

Оксана даже шутила, что пора составлять списки и заводить специальный журнал, а услышав от бабушки: «Вот и займись», — поспешно отступила. Работа библиотекаря для нее представлялась слишком нудной.

Она любила читать в гостиной с искусственным камином, мягкими диванами и растениями в больших горшках. Летом папоротники выгуливались на террасе, а зимой грелись в доме. Свежесть зимнего сада, ощущение типографской бумаги под пальцами и тихая музыка умиротворяли.

Оксана, в которой энергия была ключом, начинала сходить с ума от скуки. После прочтения десяти романов, выдуманный мир надоедал. Она понимала, что бабушка не обязана развлекать ее, но привыкла к мужскому вниманию, а вынужденное заточение убивало.

Сделав перестановку в спальне, она освободила место для танцев. В отличие от Саши, которая полностью переделала собственную комнату, Оксана не хотела стирать воспоминания. Сестра всегда стремилась поскорее вырасти. Оксане наоборот нравилось возвращаться в прошлое и беречь его маленькие тайны, поэтому спальня до сих пор хранила отпечаток ее детства. Обои с серебристыми узорами, давно вышедшие из моды. Стеллаж с книгами, разукрашенный Натальей Валентиновной. Шторы из разноцветных бусин на окне. Небольшая кровать, которая меняла место расположения в зависимости от настроения хозяйки.

Главным украшением комнаты была стена, которую Оксана превратила в доску достижений и желаний. От потолка до пола ее украшали плакаты с музыкантами и танцорами, рисунки, фотографии в рамках или просто приколотые кнопки. Здесь хранилось все, что когда-либо вдохновляло Оксану, а Наталья Валентиновна поддерживала внучку и позволяла переделывать комнату по своему усмотрению. В углу спальни стоял настоящий сундук с тяжелыми засовами, где Оксана хранила игрушки и в который давно не заглядывала. Она совсем позабыла о том, что так берегла.

От серой тоски не спасали даже танцы, и именно скука заставила Оксану разобрать сундук и окунуться в воспоминания. Здесь были альбомы с ее первыми фотографиями. Неуклюжая девчонка в коротком платье, больше похожая на куклу. Одна и вместе с Сашей. Оксана смеялась, рассматривая сестру с ее вечно важным выражением лица.

Она на первом велосипеде. Первое выступление в балетной школе. Последний звонок в третьем классе, десятый День Рождения, поездка в Диснейленд вместе с отцом, уроки скульптуры с бабушкой. На первый взгляд детство Оксаны казалось безоблачным, светлым и полным веселья. Но она вспоминала и грустные моменты. Ссоры с Сашей, переезд отца в Австралию, и как отчаянно она скучала по нему.

В сундуке лежала небольшая цветная фотография, которую Оксана стащила из бабушкиного альбома. Красивая светловолосая женщина лукаво улыбалась в объектив. Она была очень похожа на Сашу, но сестра не обладала и сотой долей искренности мамы. По рассказам бабушки, она была обаятельной, женственной, мягкой. Всякий, кто оказывался рядом, невольно попадал под лучи ее обаяния.

Оксана любила рассматривать фотографии мамы, часто представляла их жизнь вместе. Елена умерла в тот день, когда родилась Оксана. В детстве она часами любила слушать истории бабушки о ней. В отличие от Саши, которая скрывала боль под маской гнева и раздражения. Для сестры потеря мамы стала трагедией, потому что она ее знала. Оксана же, будучи ребенком, считала красивую женщину с фотографий ангелом.

Еще немного порывшись в сундуке, она нашла на дне потрепанный блокнот с застежкой на замке. Оксана отряхнула его от пыли, забралась с ногами на постель и дотянулась до изголовья. Именно там, в небольшой нише, она оставила маленький ключ, перед тем, как переехать в новую квартиру. Затаив дыхание, Оксана раскрыла свой старый дневник. Испещренные словами и рисунками страницы хрустели и пахли прошедшим детством — карамелью и пылью.

Перед ней был не просто дневник, из тех, в которые записывают переживания девочки-подростки. Скорее чудо и летопись их семьи. Если бы дневник нашел обычный человек, то подумал бы, что перед ним фантастический роман. На первых страницах Оксана размышляла на тему чувствующих, сама еще толком не разобравшись в своей силе. Чуть дальше шли сказки, которые Наталья Валентиновна рассказывала внукам на ночь. Никаких Белоснежек или Золушек, истории с продолжениями о том, что происходило на самом деле.

В одиннадцать лет Оксане пришлось в голову все записать и сохранить. Вот сказки и дождались своего часа. Листая страницы, она рассматривала свой по-детски старательный почерк. Первой шел любимый рассказ Оксаны, который она назвала «Красавица и Чудовище» — по аналогии с историей, знакомой многим. Читать его сейчас было странно.

Жила на свете девушка по имени Полина. Она родилась в тревожные времена, когда войны сотрясали мир одна за другой. Ее родители покинули Родину, чтобы спасти свои жизни и семью. Полина выросла в чужой стране с любовью к родным краям. Родители не теряли надежды когда-нибудь вернуться домой, но постепенно привыкали к новому месту.

С годами Полина превратилась в красивую и талантливую девушку. Она играла на виолончели, музыкой вселяя надежду в души людей. Полина вышла замуж за доброго и надежного мужчину. Любила ли она? Скорее просто дарила свою благодарность мужу. Единственной ее любовью всегда являлась музыка, остальное не трогало ее сердца. Смерть в те годы свободно гуляла по Европе, а врачи были бессильны перед страшными болезнями. Сначала умерли родители Полины, а следом муж-военный погиб от ранения, полученного при восстании в Вене.

Полина скорбела в одиночестве. Надевала темные одежды, отменила все концерты и заперлась в родительском доме. Практически похоронив себя, она стала медленно чахнуть, и только музыка удерживала ее в мире живых. Прошел год, мрачный и одинокий. Душевные раны затягивались медленно, но тяжелые времена требовали решительных действий. Стычки государств со временем обещали перерасти в еще одну Мировую войну. Честолюбивым и жадным правителям не было никакого дела до обычных людей, которые гибли за чужие идеалы.

В часы, когда искусство превратилось в горстку пепла, когда краски померкли перед черными тучами, что заволокли небо, приходилось искать вдохновение внутри себя. И помнить о том, что люди приходят в этот мир жить, а не умирать.

Музыка Полины творила волшебство для других, но не для нее. Перед участием в благотворительном концерте девушка так волновалась, что чуть не сбежала. Она никогда не боялась публички, но жизнь затворницы наложила отпечаток. Пальцы дрожали, голова кружилась, а сердце от страха трепетало в груди. Она опасалась, что утратила волшебство музыки. Тогда впервые Полина встретила Его. Мужчину, что вдохновил, подарил надежду, и Чудовище, погубившее ее жизнь.

До выхода на сцену оставалось несколько минут, и Полина выбежала на балкон в одном лишь платье. От холодного ноябрьского воздуха быстро прояснилось в голове. Обхватив себя руками, она посмотрела на серое небо и взмолилась вслух о том, чтобы сегодня дар не подвел. Полина ощущала, как словно изнутри сковывает холод, замораживая душу. Она не сразу заметила, что не одна. На широком балконе находился мужчина, высокий и статный. Больше ей разглядеть не удалось. Он ничего не ответил, даже когда Полина смущенно произнесла:

— Прошу меня извинить.

Она ушла с балкона в надежде, что случайный свидетель вспышки ее отчаяния не понял ни слова из того, о чем она говорила сама себе. Ведь все мольбы Полины звучали на родном языке.

Стоило ей выйти на сцену и обнять виолончель, Полина и думать забыла о страхе. Она играла, не замечая зрителей. Известные мелодии под смычком приобретали новое звучание. Музыкой она рассказывала об одиночестве, отчаянии и потерях, о холоде, что сковывает сердца и о надежде. После последней ноты в зале воцарилась тишина, которая через секунду сменилась бурными овациями. Волшебство подействовало, но Полине хотелось скрыться, убежать от всеобщего внимания. Слишком искренними были улыбки, слишком светлыми чувства. Она соскучилась по сиянию музыки, излучающей тепло, и в то же время отвыкла от него.

Снова кружилась голова от усталости, и Полина едва держалась на ногах. А за кулисами уже собралась толпа поклонников, желающих выразить восторг лично. Цветы и поздравления. Полина к своему ужасу поняла, что у нее темнеет в глазах, но уже не могла ничего поделать.

— Ваша игра — настоящее волшебство, — говоривший выделялся из толпы настолько, насколько это возможно. Среди пестрого моря ярких цветов и восторженных лиц — невозмутимый, словно высеченный из камня, с незамысловатым букетом, который напомнил ей о картинах русских просторов, оставшихся от родителей. Он сказал: «Волшебство», — и сказал это на ее родном языке. Удивительно, что он почувствовал именно это. Значит, для нее еще не все потеряно. В его голосе были искренность и уверенность, которой сейчас так не хватало Полине. Она с благодарностью и мольбой во взгляде приняла букет, и попросила увести ее подальше ото всех.

Толпа людей расступалась на их пути, словно по волшебству, за спиной волнами покачивались переешептывания.

Оказалось, что в обществе Чудовища Полине было легко. Холод отступил, сменился чувством, которое Полина испытывала впервые. Но что она могла дать взамен? Волшебство музыки? Или разговоры по душам? Он оказался русским графом, семья которого тоже покинула родину и переехала в Европу. Они провели в уютном ресторане остаток вечера в разговорах обо всем на свете. О музыке и о политике, о путешествиях и, конечно же, о России, которую Чудовище помнил в отличие от Полины. Она не чувствовала неловкости, только сожаление, когда пришло время прощаться.

С того вечера Полина только и думала, что о Чудовище, который похитил ее сердце. В ее игре теперь присутствовала тоска и ожидание новой встречи. Холод и одиночество растаяли под теплом зарождающихся чувств. Она по-прежнему знала о графе непростительно мало, но не могла отменить воодушевления, которое возникало при мыслях о нем. Полина впервые по-настоящему влюбилась. Они встречались вновь и вновь, отдаваясь головокружительному роману целиком.

Полине нравилось с какой теплотой Чудовище вспоминал Россию, словно говорил о родной матери. Как вдохновенно слушал музыку, которую она посвящала своей любви. Как обнимал ее и прижимал к груди. У них обоих были тайны, которыми стало не страшно поделиться друг с другом. Полина рассказала о своем одиночестве и мыслях о смерти. О том, как музыка спасла ее. Он признался, что может сделать так, что смерть больше никогда ее не коснется. Только плата за это была слишком высока.

Вечная жизнь. Дар или проклятие? Поначалу Полина ужаснулась истинной сути возлюбленного, но он ни разу не сделал ничего, что могло бы ей навредить. Смерть забрала у Полины всех близких и ждала, когда придет ее черед. Но обмануть природу — немыслимо и похоже на волшебство, в которое она так верила. Она поняла, что судьба выбрала за нее в день их знакомства. В прошлой жизни ничего не держало, и Полина согласилась.

То ли смерть решила пошутить, то ли волшебство не позволило ей стать чудовищем. Полина получила долгожданную свободу от тьмы, но обрела нечто совершенное иное. Мир заиграл новыми красками, в него ворвалось больше звуков, запахов и чувств. Она проснулась

Чувствующей. Способной читать настроение, видеть и слышать ярче, управлять энергиями мира и живых существ. Полина расцвела, как цветок невиданной красоты.

Это испугало Чудовище, ведь у него в душе оставалась Тьма, а за спиной множество врагов. Их любовь была подобна чувствам пламени и мотылька. Прикосновение Полины обжигало, обнажая порывы, которые он всегда держал в узде. Она не могла позволить, чтобы волшебство между ними исчезло, обратилось прахом.

Любовь Красавицы и Чудовища была краткой, но искренней и полной светлой надежды. Они расстались, чтобы сохранить Любовь. И тогда их объединила Вечность.

Оксана грустно улыбнулась, дочитав до конца. В детстве ей хотелось другого финала, вроде: «Они жили долго и счастливо», чтобы Полина и Чудовище остались вместе. Прелести сказка не теряла: наоборот, выделялась на фоне других. В истории Полины был свой смысл. Не всегда красота несет в себе свет, и во тьме можно отыскать счастье. Иногда самого лучшего приходится ждать годы, и даже если яркий цветок любви расцветает лишь на мгновение, оно того стоит.

Оксана захлопнула дневник, решив показать Наталье Валентиновне найденное сокровище за ужином. Пожалуй, еще пару недель она здесь выдержит. А после вернется в Москву.

7

Москва, Россия. Февраль 2014 г.

Джеймс неоднократно бывал в Штабе, но везли его в глухом отсеке без окон, в наручниках и с четырьмя сопровождающими. Из подземного гаража проводили в пустующее крыло и втокнули в камеру. Щелчок закрывшейся двери и монотонный писк электронного замка подтвердили блокировку.

В прошлом камеры предназначались для измененных, поэтому удобств в них было по минимуму, мер предосторожности — по максимуму. В перерывах между пытками существо, накачанное транквилизаторами, мало на что способно, но иногда случались неприятности. Участь кровососов не вызывала в нем сострадания, но его стараниями ни один из них не пошел под раскройку, как было принято говорить. Джеймс убивал на месте.

Когда ему предложили выбор, он сам подписался на ликвидатора. Официально Джеймс числился полевиком, в любой момент его могли включить в состав опергруппы для захвата, но все же специфика его работы была несколько другая. Редкие измененные не представляли для Ордена ни малейшего интереса, но случалось и такое. Они и становились его работой.

Первое убийство Джеймса произошло в Подмосковье. Измененному было за шестьдесят. Свой дом в коттеджном поселке, счет, собственное турагентство. Кровососущие твари отлично приспособлялись.

С ним даже возиться не пришлось, но первое убийство не забудешь никогда. Ни фотографии с мест преступлений, ни сводки, ни тренировки не способны подготовить к такому. Когда вырванная твоими руками жизнь растекается багровым пятном под чьим-то телом, на мгновение твой взгляд тоже замирает. Как будто на выдохе, перед тем как спустить курок ты вздохнул слишком глубоко, и Смерть уцепилась за эту нить, забирая сразу двоих. Джеймс помнил, как его мутило — от запаха крови, от вида корчившегося на полу кровососа, как вело от адреналина. После он заперся на съемной квартире и впервые «надрался до зеленых чертей». Русский язык всегда был весьма богат на образы.

Измененные в Ордене не задерживались, поток допросов был невелик, поэтому камер предварительного содержания было немного. Дверь с электронным замком с внешней стороны удерживали мощные штыри, уходящие в стены, слабое искусственное освещение, вмонтированные ультрафиолетовые лампы, по периметру — отверстия для впрыскивания ядовитого газа. Туалет обустроить не потрудились — к чему такие удобства, да и лишний риск. Измененные испражнялись прямо на пол.

Джеймс устроился напротив двери, на полу, сцепив руки на коленях. Глазок камеры слежения мигал, подтверждая свою жизнеспособность. Кто бы за ним ни наблюдал, он свое дело знает. Обычная методика выжидания и морального подавления. Время в одиночке из неподготовленного человека вытягивало все силы. Вот только ему терять было нечего.

После столь «драматического воскрешения» из мертвых его не ожидало ничего хорошего. Джеймс знал, что никакого суда не будет. От Ордена осталось одно воспоминание, хотя команда за ним подтянулась впечатляющая. С другой стороны, организация, существовавшая веками, так просто свою работу не свернет, но в большинстве городов филиалы закрыли. Возможно, Москва, Лондон и Нью-Йорк стали исключением. Три столпа Ордена, три крупнейших штаба, куда стекались данные со всего мира. Документы находились у Архивариусов, имена которых держались в строжайшем секрете, наравне с Боссами.

Можно было крутить варианты, строить предположения, пытаться увязать события прошлого года со внезапным возвращением Ордена, но без проверенных данных человек слеп, глух и безоружен. После часов ожидания в аэропортах, перелета и выпитого в «дружеской»

компании, сосредоточиться на чем-то серьезном не получалось. Он отключился, привалившись к холодной стене, но мгновенно открыл глаза, когда услышал щелчок открывшейся двери.

— Выходите! — раздался грубый оклик.

Джеймс потянулся, разминая затекшие мышцы и посмотрел на вооруженного молодчика. Парнишка глядел на него свысока, хотя в глубине глаз застыла неуверенность. Поведение, достойное новобранца: цепляться за оружие, как за единственное спасение, и чувствовать, что ты способен на многое, пока палец на спусковом крючке. Орден по-прежнему вербует агентов?

На допрос сопровождали четверо. Помимо «малыша», трое гораздо более уверенных в себе «старичков». Джеймс шел по коридорам московского филиала, и у него создавалось ощущение, что он очутился в прошлом. Огромное здание напоминало заброшенный муравейник, в который понемногу возвращались его обитатели. Основные помещения задействованы, все этажи и оборудование рабочее: электронные замки, пропуска, коды. Он оказался на этаже, на котором никогда раньше не был. Святая святых Московского штаба, высший уровень доступа.

Проводили его не в комнату для допросов, а в личный кабинет руководителя филиала. Павел Сухарев — имя-легенда, под которым тот работал — дожидался его за массивным столом красного дерева. Обстановка кабинета ничем не отличалась от рабочего места большой шишки из госструктур. Шкаф с книгами, стеллажи с наградами, сувенирные часы, переговорный стол с выстроенными по обе стороны рядами близнецов-стульев, фальшивые окна с «видом» на Красную площадь.

Седой, подтянутый мужчина в темном костюме поднялся навстречу Джеймсу и кивнул охране, чтобы те вышли. Джеймс не принял его руку, отодвинул ближайший стул и устроился на нем, вопросительно глядя на Сухарева.

— Нам предстоит долгий разговор, Джеймс.

— Не думаю. Для чего я вам понадобился?

Если тот и удивился, то вида не подал. Отличная выдержка: руководителем центрального филиала одной из величайших стран так просто не станешь.

Джеймс знал, что попал в точку. Его готовили как оперативника, и он полностью оправдывал свое предназначение. С какой радости отступника пригласили в святая святых Московского штаба, доступной лишь избранным и Верхушке?

Сухарев не стал унижать его играми в вопрос-ответ. Он просто сел напротив, и, сцепив пальцы рук, внимательно посмотрел на Джеймса — сверху вниз, как на нечто незначительное. Так начальство смотрит на подчиненных, которых вот-вот швырнут лицом на ковер.

— Вам уже известно, что в Москве убит бывший измененный.

Орден теперь ведет Красную Книгу кровососов и занимается охраной выживших особей? Джеймс промолчал, а Сухарев продолжил, отдаленно и свысока.

— Нам бы не хотелось выставлять напоказ свой интерес к этому делу по понятным причинам, поэтому мы не можем привлекать действующих агентов. Вы работали детективом несколько лет. Сейчас это весьма кстати.

— Кстати для вас, но не для меня.

— Для вас тоже, — Сухарев не изменился в лице, — и для семьи вашей сестры, если вы понимаете, о чем я. Я готов забыть о вашем загадочном исчезновении, если сможете разобраться в этом деле. Услуга за услугу.

Он говорил с ним не от лица Ордена, это был личный разговор. Пустые угрозы от твари, сидящей напротив него. Джеймс представил хруст шейных позвонков Сухарева под пальцами. Если бы тот умел читать мысли, за его спиной стояли бы не четверо охранников, а целый взвод.

Дженнифер. Казалось, прошло всего несколько дней с их последней встречи, хотя было это три с половиной года назад, перед его отъездом из Ньюкасла. Тогда Джеймс растерялся и не представлял, что делать дальше. Он собирался вернуться после обучения, работать в филиале Ньюкасла и жить по-прежнему. Дженни чувствовала, что с ним что-то происходит, но не

стала спрашивать. В отличие от Хилари сестра никогда не тянула из него болезненные воспоминания.

— Я буду ждать тебя.

Только и всего. Короткие слова на прощание. Больше они не виделись.

Он не видел ее слез, когда сестре сообщили о его «смерти» — в Ордене был специальный отдел по работе с родственниками сотрудников. Джеймс представлял, каким ударом это стало для нее.

После гибели отца, детектива полиции, студентке ветеринарного колледжа, Дженнифер Стивенс, пришлось нелегко. У нее на руках остались семилетний брат и обезумевшая от горя мать, которая уволилась с работы и целыми днями сидела в своей комнате, но именно Дженнифер не позволила их семье рухнуть. Сестра вытащила со дна и его, и маму. Через три года она вышла замуж, но для Джеймса у нее всегда находилось время, даже после того, как родились Эйден и Ричард.

Семью Джеймс всегда ставил на первое место. В этом они с сестрой были похожи.

Дженнифер. Из-за нее он сбежал в Россию — в те дни, когда адреналиновый наркотик убийства не отпускал. Джеймс приехал в Ньюкасл, чтобы свести счеты с тварью, которая подставила его и Хилари, но столкнулся в торговом центре с сестрой.

Укрывшись за эскалатором, он с жадностью смотрел на нее, будто открыл окно в прошлое. Секунды складывались в минуты и утекали слишком быстро. Дженнифер остановилась у отдела сувениров: такая знакомая, родная, но безумно далекая. Густые выющиеся волосы она собрала в хвост, и Джеймс мог видеть ее профиль. Высокий лоб, нос с горбинкой — в детстве она неудачно упала с велосипеда, врачи что-то напортачили, а повторно ломать родители отказались, красивые губы и худенький подбородок. На ней был светло-серый плащ, белая летняя блузка и клетчатая юбка, туфли на небольшом каблуке. Она улыбалась, когда миловидная девушка упаковывала в большую коробку плюшевого медведя, а Джеймс мог только гадать, кому он предназначен.

В тот миг он отчетливо осознал, что для Дженнифер он погиб, сестра и не подозревает о том, что в другой жизни он был женат. Всего один шаг — и он окажется в поле ее зрения. Мгновение — и глаза расширятся от удивления, а коробка выпадет из рук. Она окажется лицом к лицу с неприятным незнакомцем с внешностью ее брата. Дженнифер знала его другим, а тот Джеймс в самом деле умер.

В ее памяти он навсегда останется младшим братом, у которого все валилось из рук. Который первым приезжал на Рождество с подарками для племянников. Который пошел по стопам отца и стал детективом полиции, потому что хотел, чтобы на улицах родного города было безопасно, а отцы и матери возвращались к детям. Тот Джеймс был идеалистом и искренне верил, что сделает мир лучше. Пусть он так останется для нее наивным мечтателем, и Дженнифер никогда не узнает, что ее брат хладнокровно убивал раз за разом.

Джеймс запомнил ощущение всеобъемлющего безумия, когда он в последний раз смотрел Хилари в глаза. Помнил, с каким чувством поднимался на борт самолета, уносящего его от ее смерти. Привычка держать в руках чужую жизнь в течение нескольких секунд перед выстрелом — самый сильный наркотик. После встречи с сестрой он всерьез осознал, что если не остановится сейчас, не остановится уже никогда. Мсть ничего не решит и не исправит.

Дженнифер. Тот самый свет, который не позволил тьме поглотить его полностью.

Сухарев, заливший свой дорогой костюм парфюмом и считающий, что контролирует ситуацию, смеет угрожать его сестре? Джеймс рывком подался вперед, мерзавец не успел отпрянуть. Быстро и бесшумно. В захвате под его локтем шея Сухарева и впрямь казалась ломким тростником.

— Вы что-то говорили о моей семье?

Павел прохрипел что-то нечленораздельное.

— Я сверну вам шею, потом меня пристрелят — и мы поставим в деле точку, договорились?

Едва различимое сипение.

— Не слышу, — Джеймс наклонился ближе.

— Мы плохо начали, — сквозь хриплое бульканье все-таки вырывались свистящие, еле слышные слова, — я прошу прощения.

Джеймс с силой отшвырнул его. Опрокинувшись на стул, Сухарев с грохотом полетел на пол. Дверь распахнулась, дружные щелчки предохранителей вызвали у Джеймса кривую усмешку.

— Не стрелять! — кашляя, Павел вскинул руку. Самодовольное выражение сползло с его лица цвета перезрелого томата. Он поправил галстук и рыкнул на остолбеневших охранников. — Оставьте нас! Живо!

Джеймс снова откинулся на спинку стула. Самоуверенность стоила Сухареву десятка очков репутации в своих глазах и среди подчиненных.

— Вы нужны нам, — тот потянул воротник, глядя на него уже совсем по-другому: настороженно и зло. Павел не стал садиться, прошелся по кабинету к двери, вернулся назад, но теперь держался на почтительном расстоянии. — О том, что Орден снова в деле, пока не знает никто. Вы мертвы уже больше двух лет, и ваше расследование ни коим образом не повредит нашей репутации. Кроме того, вы отлично знаете русский.

Джеймс увлекся языком и колоритом страны, и всерьез занялся изучением еще во время первого приезда в Москву. В глуши под Тюменью было время восполнить пробелы после долгого перерыва.

— Забавно будет, если Орден засветится рядом с трупом бывшего измененного. Но мы вернулись к тому, от чего ушли, — напомнил Джеймс, — зачем это мне?

— Если возьметесь за дело, по окончании получите превосходную денежную компенсацию и убежище в любой стране мира на ваш выбор.

«И пулю в затылок», — мысленно добавил Джеймс.

Сухарев обошел стол и устроился в начальственном кресле с видом победителя.

Младенцу понятно, что никто его не отпустит, даже если он вытащит им убийцу со всеми мотивами из-под земли и преподнесет на золотом блюде. Все, что им нужно — прикрыть свои задницы на случай прокола. Если у Джеймса все получится, в мир иной его отправят по завершении расследования. Или в пожизненное заточение в подвалах Московского филиала. Они оба знали об этом, но озвучивать свои мысли Джеймс не стал.

Он понимал, что с ним в любом случае церемониться не станут. Когда на карту поставлено спокойствие Дженнифер и ее семьи, все, что остается — принять правила игры и протянутую руку. Не хотелось доводить до того, когда его принципы наткнутся на желание Сухарева указать ему место.

— Мне понадобятся все материалы по делу, солидная легенда и доступ к центральному архиву по первому запросу, — произнес он.

— Если вы попытаетесь играть с нами в игры... — Сухарев будто нарочно хотел все испортить, но Джеймс не позволил.

— Я доведу дело до конца, — отозвался он, — передам вам все, что раскопаю. Мы оба знаем, что после этого я исчезну — так или иначе, так что давайте закроем тему. Если вас не устраивают мои условия, можете обратиться к другим призракам бывших сотрудников. Разумеется, если знаете, где их искать. И еще. Мне нужна вся информация по рейду в Солт-Лейк-Сити с моим участием.

Он вдруг отчетливо осознал, что хочет взглянуть на это дело. Хочет понять, почему их бросили на растерзание в заброшенном доме. В его распоряжении будут все данные по преследованию и травле Хилари с самого начала. Архив помнит все.

По лицу Сухареву скользнула легкая тень раздражения, но Джеймсу было не до перехода на личности. К счастью, ему хватило ума не рассказывать Петру об истинной причине своего срыва, иначе все усложнилось бы.

— Вам все предоставят, — помолчав, неприязненно произнес Сухарев, — если вскроются новые факты, вы первым о них узнаете. Отчет — по мере необходимости. Общение через связанных и иными предусмотренными по протоколу способами. Надеюсь, вы их помните?

Его длинные, холеные пальцы терзали листок отрывного настольного календаря с перевернутым для Джеймса портретом Омара Хайяма и его очередной глубокомысленной прибауткой.

— Да, — коротко отозвался Джеймс.

— У вас будут все ресурсы, которыми мы располагаем, но вы должны понимать, что если вы попадете в неприятную ситуацию, помочь мы не сможем.

«Понимаю, прекрасно понимаю», — подумал Джеймс.

Не смогут или не захотят, какая разница. Орден легко пускал сотрудников в расход.

Солт-Лейк-Сити. Кто-то слил данные о предстоящем рейде кровососам. Их группу расстрепали, как котят, но помощь не пришла. Выживших оставили на откуп милосердия измененных. Целую группу тренированных полевиков бросили умирать. Что уж говорить об отступнике, который до сих пор жив исключительно потому, что нужен для теневой операции.

— Когда начинать?

Прошлое не только не отпускало, скорее наоборот, крепко держало его за яйца. Создавалось ощущение, что он ходит по кругу. История прошлого года повторялась, вот только тогда ему было за что бороться.

— Прямо сейчас. Вас введут в курс дела.

— Премного благодарен, — не прощаясь, Джеймс поднялся.

Он шагнул за порог кабинета Сухарева зная, что впереди его не ждет ничего, кроме нового витка интриг, замкнувшегося на проклятой расе.

На сей раз его провожали двое дюжих молодцев, вооруженных как телохранители популярной звезды или президента. Ни один из них не проронил ни звука.

В затемненном кабинете, отдаленно напоминавшем конференц-зал, их дожидался Петр. Открытый ноутбук, папки на столе, работающий проектор. Он не стал бы возвращаться к теме доверия, но тот решил расставить точки над «i».

— Пойми меня правильно. Нам нужен был тот, кто знает тему изнутри.

— Понимать других людей — удел психологов, у меня другой профиль, — Джеймс устроился за столом, кивнул на документы. — Приступим?

8

Дождаясь гостью в кабинете загородного дома, Демьян просматривал список выживших на своей территории. Их осталось не так уж и много — кому хватило времени. Чума обрушилась внезапно, распространялась стремительно и неумолимо. Многие умирали, не успевая ничего понять.

Первый удар приняли измененные моложе двухсот лет. Их силы таяли быстро в угоду смертоносной заразе. У разменявших несколько столетий шансы выжить увеличивались. Как ни странно, те, кому не перевалило и за полвека, держались дольше старших. Отчаявшиеся, обезумевшие измененные набрасывались на людей прямо на улицах. Ответственность взяла на себя корпорация «Бенкитт Хелфлайн», якобы выпустившая недоработанный препарат с мощным психотропным эффектом, полетело много голов, но режиссер остался в стороне.

Спасение стоило целое состояние, далеко не все измененные могли купить себе жизнь. Некоторые не нашли выхода на посредника. Кому-то повезло, кому-то нет. Вакцина, как и болезнь, появилась спонтанно, спустя несколько недель. Будто ее по волшебству спустили свыше.

К тому времени вирус уже сотворил свое грязное дело. После чумы среди измененных царили паника, хаос и неразбериха. Официально самым старшим из выживших стал Вальтер: ему перевалило за семьсот.

В свое время Керт его выручил, но они не сошлись во взглядах. Вальтер был жесток и скор на расправу, к простому люду относился, как к мусору и нижнему звену в пищевой цепочке. Он следов не оставлял, но крови пролил немало, за что негласно получил прозвище Палач. Далекий от сентиментальности и привязанностей, Вальтер много путешествовал, но в конце двадцатого века облюбовал Вену. Ночные клубы и подпольный бордельный бизнес, который он развернул, раскидали их с Демьяном на разные полюса. Общались они редко и по необходимости. Последний раз переговорили два года назад, весной. Нынче выяснилось, что спустя несколько месяцев после их разговора Вальтер исчез.

Эльза, его заместитель и постоянная любовница, рассказала Демьяну об этом по телефону. Палач мог уйти в тень, отдохнуть от своего окружения и от мира, который отобрал у него игрушку бессмертия, подразнив ею не много не мало, а целых семь сотен лет. После чумы многие срывались, а особенно нелегко приходилось старшим. Только не в свете нынешних обстоятельств.

Спектакль нравился Демьяну все меньше, но антракта пока не предвиделось. Предположение Михаила о том, что кто-то подбирается к спискам, уже не казались ему поспешным выводом, скорее неотвратимой правдой. Филипп мертв, Вальтер пропал, и вероятно живым его уже не увидеть. Дурной душок протянулся и над Европой, и над Штатами, но какая-то свинья осмелилась гадить на его территории, в его Москве!

— Демьян, Эльза приехала, — в кабинет заглянула Анжела.

Без привычного в последнее время макияжа она выглядела тенью, хотя раньше он искренне восторгался ее естественной красотой. Демьяну нравилось, когда его окружали красивые вещи и красивые люди. Когда они только познакомились, его привлекла в ней страсть к музыке и облик: светлые, как лен, волосы, огромные глаза, тонкие черты лица. Он сравнивал цвет ее глаз с незабудками и утонченностью небес. Какого черта она нынче помешалась на косметике?!

Раздражение Демьяна набрало обороты, и чем больше он этому сопротивлялся, тем ярче и отчетливее оно выступало на передний план.

— Проводи ее ко мне, — отозвался он.

Анжела скрылась за дверями, а Демьян потер переносицу, снял очки и убрал в верхний ящик стола вместе с бумагами. Показывать свою уязвимость Эльзе не хотелось.

Женщина Вальтера выглядела эффектно. Строгий деловой костюм темно-синего цвета, голубая атласная блузка и брошь, изящные полусапожки, умеренный макияж, светлые волосы аккуратно уложены. Даже на невысоком каблуке она была одного роста с ним. Демьян поднялся, чтобы поприветствовать ее, и встретил взгляд, полный обломков льда. Эльза сдержанно поздоровалась, возводя границы, и он нахмурился.

Немка по происхождению, она появилась рядом с Вальтером после Второй Мировой. Когда русские вошли в Берлин, ее отец, старший офицер СС застрелился, а мать повесилась. Девчонка сбежала из раздираемой на части Германии, но в те годы радужных перспектив для нее не было ни в одной стране. Эльзе повезло в одном: Вальтер заметил ее и приютил у себя. Какое-то время она жила при нем личной игрушкой, а спустя несколько лет он ее изменил.

— Мы не закончили разговор по телефону, — произнес он на безупречном немецком — чтобы сделать ей приятное, — потому что я хотел переговорить с тобой лично.

— Признаюсь, я тоже, — жестко произнесла она, — но я рассказала тебе далеко не все.

— Вот как? — Демьян пристально взглянул на нее. — Почему же?

— Потому что, — Эльза глубоко вздохнула, будто собиралась нырнуть или шагнуть в пропасть, а потом быстро произнесла, — летом две тысячи двенадцатого Вальтер собирался к тебе.

Демьян забыл про то, что собирался предложить ей кофе. Первое потрясение едва миновало, а она продолжала, не дожидаясь его ответа.

— Он договорился о встрече с тобой и пропал, — Эльза цепко смотрела ему в глаза, — ты...

— Что? — резко спросил Демьян, одним ударом перехватывая разговор. — Что я?

— Ты избавился от него, — Эльза побелела как мел, но голос не дрогнул, — я знала, что рано или поздно ты доберешься до меня на расстояние выстрела или с фальшивыми сожалениями, но я не боюсь. Я ждала этого дня. Он все, что у меня было. Будь ты проклят, Демьян.

Ярость Эльзы, пусть даже скованная льдом, само по себе нечто. Проклятие на немецком прозвучало хлестко, как удар хлыста. Какое-то время Демьян молча смотрел на нее, пытаясь осознать происходящее. С каждым годом у них с Вальтером находилось все меньше точек соприкосновения, но он никогда не думал о том, чтобы избавиться от него.

После чумы все они стали равны, и хотя его авторитет по-прежнему держал Демьяна уровнем ниже, он принимал это как данность и не стремился ничего изменить. У него хватало других забот, чтобы волноваться по поводу хрупкой власти.

Кто бы ни стоял за всем, он вытащил Вальтера на его имя, и Эльза искренне считает, что Керт почил где-то в России стараниями Демьяна. Следом убили Филиппа — и тоже в Москве. Каждая новость наводила на мысль об игре против него. Демьян понимал, что поводья ускользают из его рук, а в мире измененных за это платили жизнью.

— Мне приятно твое доверие, — язвительно произнес он, — но тот, кто избавился от Вальтера, сейчас наслаждается жизнью. И полученной от него информацией.

— Я понимаю, что вы вели войны за территорию и статус. В такие вещи мне лучше не лезть, но...

— Помолчи, — он не повысил голоса: невысказанное предупреждение ударило рикошетом.

Эльза замерла: неестественно прямая, негибкая и бесконечно далекая. Надо отдать должное, она прекрасно держала лицо, несмотря на то, что считала его душегубом.

Демьян отметил ее побелевшие пальцы: она сцепила их с такой силой, что они только чудом остались целы. Ему было не до бабских подозрений, и тем более оправдываться он не собирался.

Неприглядное и грязное дело. Тут не то что руки по локоть запачкать, по шею в гнилом болоте увязнуть можно.

— Расскажи мне все, — жестко произнес он. — Когда, как, и о чем якобы шел наш разговор.

Ее откровенность стала очередным наростом снежного кома. Со слов Эльзы, полтора года назад Вальтер собрался на встречу с ним. Тема осталась за кадром, но таким воодушевленным она видела Керта впервые за долгое время. После отъезда он пропал, и Эльзе не удалось найти никаких концов.

«Развести» Вальтера было практически невозможно. За века он изучил психологию дипломатических и закулисных игр, как никто другой. Только их личный разговор мог сподвигнуть Вальтера на такой шаг, но логичного объяснения случившемуся Демьян не находил. Разве что кто-то оказался весьма убедителен. Кто-то, кто говорил с Кертом от его имени.

О дружбе с Вальтером знали Эльза, Анжела и Михаил.

Первая сейчас сидела перед ним, и за время беседы Демьян ее достаточно изучил. Эльза удручена своим бессилием, невозможностью сцепиться с ним в открытом изначально неравном бою. В самом начале их разговора за стальным заслоном ее взгляда легко угадывалось холодное отчуждение и старательно упрятанная поглубже ненависть.

По сути, Вальтер спас ее дважды. Первый раз — во время Второй мировой, второй — в разгар чумы. Женщины, ей подобные, такого не забывают. Эльза не предала бы Вальтера и под страхом смерти, а на Демьяна смотрела, как на злейшего врага.

Анжела прошла рядом с ним огонь и воду. Демьян лично свернул бы шею тому, кто намекнул на ее причастность к этому делу. Керт ни во что не ставил Анжелу, и терпел исключительно из расположения к Демьяну. Она в долгу не оставалась и не упускала случая выразить свое пренебрежение за кулисами. Вряд ли она сильно расстроилась бы, узнав, что Вальтера пустили в расход, но поставить под удар его, Демьяна? Нет, никогда.

— Вальтер никого нового не приближал к себе в последние годы? — нынче Демьян сожалел о том, что мало общался с Кертом. Тот щепетильно подбирал ближайшее окружение, подпускал исключительно проверенных, но даже с ними не откровенничал. И все же нужно было исключить этот вариант, чтобы двигаться дальше.

Эльза покачала головой.

— Нет. Вальтер увлекся бизнесом, а особенно после чумы. Его состояния хватило бы на тысячу человеческих жизней, но занялся делами, чтобы не думать о... — Эльза примолкла, не желая продолжать.

— О чем? — резко спросил Демьян.

— О том, что ему осталось не так много. И об определенных проблемах со здоровьем.

Демьян лишь криво усмехнулся. Похоже, чем старше были выжившие, тем быстрее они сдавали. Он не стал уточнять, какой недуг настиг Палача, теперь это было уже неважно.

Оставался только Михаил Стрельников, и при мысли о его предательстве становилось тошно. А ведь Анжела права, у Демьяна был повод ему не доверять.

Он встретил Михаила двести лет назад в Праге. В Стрельникове чувствовалась порода, он располагал к себе с первых минут общения, не прилагая ни малейших усилий. Измененный с сильной и светлой энергетикой. Редкая способность к искреннему сочувствию, человечность, стали тем самым маяком, который привлек внимание Демьяна. Он сразу понял, что мальчишка умен и что из него можно вылепить достойного компаньона.

К несчастью, Михаила угораздило влюбиться в Анжелу. Не просто влюбиться, он ее боготворил. Эта любовь и привела к трагедии, положив конец их дружбе и доверию. Михаил переехал в Петербург, чтобы оказаться подальше от них и забыть о случившемся. Не забыл, выходит?

Не слишком ли быстро Стрельников согласился приехать, когда узнал о произошедшем с Филиппом? Демьян расценил его поступок как жест доброй воли и желание вернуть безвозвратно утраченное. Что, если это было коварным, расчетливым планом с самого начала? Оказаться рядом с ним, из первых уст узнавать обо всем происходящем. Разыгрывать фальшивое сочувствие, чтобы потом ударить в спину? От подобной догадки замутило.

Предательство. Мерзкое ощущение, от которого сложнее всего отмыться.

В мире измененных сети закулисных интриг плелись с завидной регулярностью, и Демьян не дожил бы до сих дней, если бы не умел предупреждать их и справляться с последствиями, но... Михаил?! Их пути давно разошлись, а преждевременные надежды на потепление оказались всего лишь глупым сентиментальным выпадом.

Демьян жестко взглянул на застывшую изваянием Эльзу.

— Возвращайся в Вену и сиди тихо. Если понадобится, я сообщу.

Она сдержанно попрощалась, но в глазах немки светилось явное недоумение. Эльза все-рез считала, что он избавился от Вальтера, не ожидала, что вернется из России живой, а главное, у нее были на то причины. Ярость поднималась изнутри, подобно цунами, готовая сметать на своем пути всех и вся. Головная боль об убийстве Филиппа еще не прошла, а следом навалилась другая. Кто-то решил оприходовать Керта, прикрываясь его именем.

Вошедшая в кабинет Анжела провела пальцами по его щеке, заглядывая в глаза.

— Демьян, что происходит?

Взгляд задержался на тонком изломе красивых губ, под слоем сочного темного блеска. Снова эта чертова косметика! Он перехватил ее руку, с силой сжал тонкое запястье так, что Анжела вскрикнула.

— Пригласи ко мне Сашу Миргородскую, — процедил сквозь зубы, имя буквально выплюнул. — Срочно.

Подтверждения предательства Михаила у него пока не было, но при мысли о том, что придется натравить на него Звоновского, заранее становилось тошно. Пока что об этом речи не шло, и Демьян уже знал, кому поручит совместить приятное с полезным. Старшая внучка Миргородской явно запала Стрельникову в душу. Пусть понаблюдает за ним. Играть роль можно долго, но рано или поздно грим тает под софитами, и ты допускаешь очевидный прокол. Словом, жестом или делом, не суть важно.

— Демьян, ты шепчешься с Мишей за закрытыми дверями, потом вызываешь Эльзу... Вальтер отказался приехать? Почему ты ничего мне не рассказываешь? — она сжимала и разжимала пальцы, не зная, куда спрятать руки, нервным движением убрала выбившуюся прядь за ухо.

Он вздохнул, притягивая Анжелу к себе. Раздражение било искрами, как оборвавшийся оголенный провод, и Демьяну не хотелось, чтобы зацепило ее.

— Не спрашивай ни о чем сейчас.

— Если тебе так будет легче. Ты можешь прийти ко мне со всем, что тебя беспокоит, ты же знаешь.

— Знаю.

Она действительно осталась единственной во всем мире, кому он мог довериться. Единственной, кто никогда не предаст, кто все поймет и знает о нем чуть ли не больше, чем он сам. Единственная. Всполохом мелькнуло воспоминание: яркое и беззаветно ушедшее, но от этого не менее живое.

Анжела в его руках была мягкой и податливой, память тела подсказывала прикосновения, от которых бросало в жар. Демьян неосознанно прижался щекой к ее волосам. Хрупкая, невысокая, женственная. На тонком запястье остались следы от его пальцев. Внезапно накрыла удушливая волна раскаяния пополам с желанием.

Они давно не были настолько близки, как в последнюю пару недель. В его жизни хватало женщин, а Анжела стала далеким воспоминанием, угасающим отголоском утраченной страсти. Нынче между ними творилась какая-то магия. Он видел ее и будто узнавал заново, сходя с ума от предвкушения близости.

Она отступила назад, потянула за собой, и Демьян шагнул к ней, сокращая разделяющее их расстояние. Губы со вкусом вишневого блеска будто отрезвили. Перед глазами стоял совсем другой образ — отчаянно влюбленной в музыку девушки, тонкий запах луговых цветов и бесконечный свет, которым сияли ее глаза и улыбка. Той, что ничего не знала об измененных.

Он сжал ее волосы в кулаке, заставляя запрокинуть голову.

— Демьян...

— Ни звука, — предупредил он, — пока я не позволю.

Что он хотел увидеть в глубине ее глаз? Безвозвратно утраченное отражение высоты небес или смазанную киноленту прошлого?.. Медленно, смакуя каждое мгновение, Демьян разжал руку, пропуская длинные пряди сквозь пальцы.

— Раздевайся! — скомандовал он, и под его взглядом Анжела, казалось, стала еще меньше. Дрожащими пальцами расстегнула блузку, сбросила юбку, перешагнула через нее. Ему нравилось слышать ее голос: высокий, срывающийся от желания. Анжела дрожала то ли от холода, то ли от предвкушения, или же от всего вместе, и это невероятно возбуждало. Демьян развернул ее спиной к себе, подтолкнул к столу. Она ойкнула, но тут же прикусила губу и только сдавленно выдохнула, когда он с силой сжал ее грудь в ладони.

Она принадлежала только ему, безоговорочно подчиняясь. Демьян потянул вниз белье, положил руки на поясницу заставляя прогнуться. Анжела вздрогнула всем телом, когда резко вошел и тут же расслабилась, подаваясь назад. Демьян знал, что она кусает губы, сдерживая стоны, и от этого заводился не на шутку. В чувственном дурмане отмечать, как Анжела выгибается под ним от наслаждения, было невероятно, но недостаточно.

Почти касаясь губами ее уха, он едва слышно произнес:

— Хочу слышать твой голос.

Она выдохнула его имя, вцепившись в край стола, а ее тонкие стоны звучали музыкой.

Мгновения близости кратковременны и быстротечны. Одеваясь, Анжела старалась не смотреть на него, будто боялась увидеть в глазах привычное отчуждение. Ее взгляд блуждал по кабинету, спотыкаясь о мебель, корешки книг, документы, напольные часы, перескакивая с одного на другое.

Демьяну хотелось подхватить Анжелу на руки, отнести наверх и оставить тему взаимного помешательства открытой — пусть даже на несколько дней. Вместо этого он поставил точку: подошел к бару и плеснул себе в бокал коньяка, бросил несколько кубиков льда, устроился в кресле и ослабил галстук.

Анжела собрала рассыпавшиеся по полу бумаги и выскользнула за дверь, тихо прикрыв ее за собой. Проводив жену тяжелым взглядом, Демьян решил, что так будет лучше. Давно он не терял над собой контроль настолько, чтобы позволить эмоциям захлестнуть себя с головой. Это не должно повториться.

Ежели пьесу написал Михаил, лед вскроется в ближайшее время, и Стрельников сильно пожалеет, что решил играть в игры за его спиной.

9

Оксана накинула куртку, влезла в резиновые сапоги и направилась к вольеру. Сидевший на крыльце Ганнибал радостно подскочил и завил хвостом, стоило ей появиться на пороге с миской еды. Слезливый взгляд сироты от огромной туши, весящей в два раза больше самой девушки, выглядел комичным. Бабуле проще было прокормить двух внучек, чем овчарку. Ганнибал скакал рядом, чудом не сбивая с ног. Оксане пришлось идти осторожно, чтобы не растянуться на подмерзшей земле.

Покормив пса, она вернулась на кухню и напекла блинчиков. Картины с яркими полевыми цветами, украшающими стены небольшой комнаты, поднимали настроение, аромат дразнил аппетит.

— От запахов голова кругом, — Наталья Валентиновна вошла на кухню и устроилась на мягком диване за столом. В легком атласном халате цвета молодой листвы бабушка выглядела потрясающе. — Признаюсь честно, хотела еще поваляться, но просто не удержалась.

— Мой коварный план по выманиванию тебя из постели, — подмигнула ей Оксана, поставила на стол приличную горку блинов, разлила по вазочкам мед и айвовое варенье.

— Такой план мне нравится. Чем собираешься заняться? — поинтересовалась Наталья Валентиновна, пододвигая к себе тарелку.

— Дочитаю книгу, посплю, — в последние несколько дней Оксана развлекала себя всеми силами, но выходило отвратительно. Хотелось поскорее вернуться к обычной жизни. — Если Саша сегодня не приедет, завтра вызову такси.

Оксана щедро намазала тонкий блинчик медом и целиком отправила в рот.

— Или меня подвезет твой ухажер, — невинно добавила она. Поклонник Натальи Валентиновны был зрелым, привлекательным, совершенно не во вкусе Оксаны, но она отчаянно соскучилась по вниманию мужчин. Временный энергетический пост сказывался на самочувствии и настроении.

— Саша появится позже. Она звонила. Роман тоже приедет, но ты сбежишь раньше, — бабушка изящно подцепила блинчик вилкой, намазала вареньем и, сложив вчетверо, отрезала кусочек — целый ритуал.

Оксана не знала, то ли радоваться своему возвращению в Москву, то ли смеяться над тем, как Наталья Валентиновна ее спрашивает.

— Ба, — заговорщицки улыбнулась внучка, предвкушая продолжение забавы. — Открой секрет, почему твои красавчики никогда не западали на нас с Сашей.

— Потому что, — не поддалась на провокацию Наталья Валентиновна. Внучки каждый раз уговаривали бабулю раскрыть секрет, но та отвечала: «Расскажу на смертном одре». Судя по отличному здоровью Натальи Валентиновны, смерть ей грозила не скоро. Оксана подумала, что когда бабуля решит поведать секрет, ей самой он уже не понадобится.

До приезда Саши Оксана выпалась и придумала, куда отправится сегодня ночью. Хотелось выбраться из глуши и вернуться к прежней жизни. Созвонившись с одним из парней, она собрала вещи, поиграла с Ганнибалом и отправилась читать книгу. Саша могла передумать или приехать завтра. Если бы не страх перед вождением, Оксана давно купила бы собственную машину.

Сестра все-таки появилась ближе к вечеру. Влетела в дом подобно урагану, что есть силы хлопнула дверью. Оксана выглянула из гостиной и поняла, что та не в духе. Стащив изящные полусапожки, Саша швырнула их на полку для обуви и с грозным видом протопала мимо нее. Ее гнев по десятибалльной шкале достигал девятки. Простыми «козлами на дорогах» тут дело явно не обошлось, и Оксане хотелось узнать, кто привел сестру в бешенство.

Саша взлетела по лестнице, громко хлопнула дверь на втором этаже. Оксана тихо поднялась наверх и услышала высокий голос сестры, доносящийся из мастерской бабули. Саша не просто повысила голос, она кричала. Так, что все было слышно даже на лестнице, но Оксана подошла к двери.

— Он говорил со мной, как со шлюхой! Как будто я должна ложиться под первого встречного по его приказу!

Оксана затаила дыхание, пытаясь понять, кто может заставлять Сашу с кем-то спать.

— У Демьяна нелегкие времена, которые требуют непростых решений, — негромко отозвалась Наталья Валентиновна, — если хочешь, я поговорю с ним. Не стоит так нервничать, насколько я помню, ты была не против близкого знакомства с Михаилом.

Оксана тихо ойкнула и сразу зажала рот рукой. Осипов. Демьян не просто попросил Сашу, а приказал ей?! Оксана разозлилась не на шутку. Измененные всегда были о себе слишком высокого мнения, но это переходило все границы!

О Викинге, светловолосом красавце, который допрашивал их, она вспоминала часто и совсем иначе. Особенно когда к бабуле приезжал любовник. О его мягком низком голосе и темно-синих глазах. Даже имя Михаил ему шло. Миша, Мишенька, Медвежонок.

— Вариант отличный, — процедила Саша, — учитывая его условие о том, что никто не должен знать о поручении. Демьян зарвался, и не просто так. У него есть возможность, власть и силы, а тебе наплевать на то, что меня используют!

— Сбавь тон, — урезонила внучку Наталья Валентиновна, — насколько я поняла, он попросил об одолжении, и ты согласилась. Поправь, если я ошибаюсь.

Оксана подумала, что сейчас Саша взорвется. Только бабуля могла так с ней разговаривать. Для остальных это заканчивалось плохо.

— А могла отказаться?! Ты что, не знаешь, что все его просьбы звучат как приказы?!

Даже без своих способностей, Демьян остался тем, с кем стоило считаться. Оксана вспомнила тяжелый пугающий взгляд Осипова. Такому сложно в чем-то отказать и лучше держаться подальше.

— Он тебе совсем не нравится?

— Кто?!

— Тот, с кем ты завела интрижку и приятно проводишь время.

— Если бы он не имел отношения к Осипову, я бы сказала, что он в моем вкусе.

Оксана не понимала, зачем Демьяну просить Сашу спать с Михаилом. У них и так вроде все ладилось. Или это как-то связано с убийством?

Она тряхнула головой, чтобы отогнать воспоминания. Лучше думать о Викинге. Его сильных руках, слегка вьющихся волосах и губах, которые хотелось целовать долго, нежно и упоительно. Оксана так замечталась, что чуть не пропустила ответ бабули.

— Так используй это в своих интересах, — Наталья Валентиновна понизила голос до шепота, так, что следующие ее слова при всем желании расслышать было невозможно. Дверь резко распахнулась, и прямо на пороге возникла разъяренная Саша.

— Тебе не говорили, что подслушивать не хорошо?! — рыкнула сестра. Она бросила на нее такой взгляд, будто хотела испепелить на месте. Оксана слегка покраснела, но не стала извиняться или отступать назад. Ее интересовали подробности Сашиного «задания».

— Он хочет, чтобы ты за Мишей шпионила? — нетерпеливо спросила Оксана и добавила. — Если что, я готова делать это вместо тебя.

Сестра презрительно скривилась.

— Ты и за собой не уследишь, — Саша намекала на то, что во всем виновата она, — поэтому будь любезна, не путайся под ногами.

— Но тебе он не нравится, — Оксана не смогла сдержать обиду в голосе. Ей надоело выслушивать упреки. С самого детства Саша не упускала возможности больно ужалить. — Я знаю, что ты думаешь. Лучше бы с тем измененным убили и меня!

Оксана развернулась и убежала в свою комнату. Она все дрожала от злости. Временами ей казалось, что когда-нибудь они найдут общий язык, но Саша постоянно напоминала, что такому не бывать. Причина неприязни осталась в далеком детстве. Сколько Оксана себя помнила, Саша винила ее в смерти матери и доводила до слез. Она выросла и теперь не обращала внимания на Сашину злобу, но та все равно находила слова побольнее. И сегодня намекнула, что мозгов у Оксаны меньше, чем у Ганнибала.

В детстве сестры частенько дрались и ссорились так, что искры летели. Сначала побеждала Саша, потому что была старше. Потом Оксана подросла, вытянулась и научилась давать сдачи. Бабушку расстраивали их ссоры, но даже это Сашу не останавливало.

Оксана временами считала, что лучше быть единственным ребенком, чем иметь такую сестру. С возрастом они научились терпеть друг друга, мириться и даже спокойно общаться, но сегодня Саша перешла черту. Она прекрасно знала, что малейшее упоминание о случившемся бросает Оксану в дрожь. Знала, и воспользовалась этим!

Оказавшись в своей комнате, она глупо разревелась. Последние недели были для Оксаны ужасными. Она боялась, что Демьян повесит на нее убийство, или убийца явится прямо на Дачу. Отказалась от привычной веселой жизни, маялась загородной тоской и мучилась по ночам кошмарами. Она обходилась и без Сашиного сочувствия, но это было уже слишком!

Наталья Валентиновна появилась в комнате раньше, чем Оксана накрутила себя. Обняла за плечи, прижимая к себе, нежно погладила по голове. Понимание и забота отозвались щемящей грустью, и она залилась слезами еще сильнее.

— Зачем она так, ба? Я не путаюсь под ногами, — хлюпала носом Оксана. — Никто ее не просил изображать героиню. Пусть бы меня Демьян посадил в подвал.

— Ей не оставили выбора, — мягко отозвалась Наталья Валентиновна, — ты же знаешь Сашу. Терпеть не может, когда все решают за нее, да и кому такое понравится. Уверена, что она и сама сделала бы для тебя больше, но теперь... Не завидую я этому Михаилу.

Оксана хотела съязвить, что Саша помогает не от пламенной сестринской любви, но промолчала. Демьян казался слишком скользким и пугающим. Саша его боялась не меньше, иначе устроила бы Осипову веселую жизнь. Как тому хаму на улице. Оксана представила, чем может обернуться попытка сестры воздействовать на Демьяна, и мысленно содрогнулась.

— Миша хорошенький, — хихикнула она сквозь слезы. — Высоченный синеглазый блондин, добрый и светлый. С Демьяном не сравнить. Запал на нашу Сашеньку.

Наталья Валентиновна улыбнулась.

— Неудивительно. Будь осторожна, вся эта история мне совсем не нравится. В затворницу не превращайся, — она поцеловала Оксану в щеку и отпустила, — но присматривайся к тем, с кем водишь дружбу.

— Постараюсь, — пообещала Оксана, напоследок шмыгнула носом и потерла глаза. Рядом с бабулей вернулось хорошее настроение и уверенность в том, что все наладится. — Я буду скучать.

— Приезжай в гости в любое время, — от улыбки Натальи Валентиновны в комнате сразу стало светлее, — если вдруг что-то заметишь или почувствуешь, сразу звони. Не Саше или Демьяну, мне.

Ужин прошел спокойно. Саша перестала злиться, и это было не показное. Видимо, Наталья Валентиновна сумела справиться с ее яростью. Бабуля с сестрой спокойно обсуждали всякую ерунду и не касались темы Демьяна, Оксана предпочитала молчать. Она решила не спускать Саше ее отношение, тем более что та не извинилась. После чая она незаметно ускользнула в гостиную, вытащила телефон сестры и переписала номер Михаила.

Их соперничество началось еще в детстве, когда сестры не могли поделить игрушки. Они выросли, негласные соревнования приобрели новую форму. Стоило одной завести более-менее серьезные отношения с мужчиной, другая включала обаяние, не гнушаясь средствами. Оксана решила не делать исключения, пусть даже Михаил связан с Демьяном Осиповым. Викинг ей нравился отнюдь не потому, что был Сашиним парнем. Она хотела его и не отказалась бы от романа с таким красавчиком.

Когда наступило время уезжать, Оксана попрощалась с бабушкой и Ганнибалом, перенесла рюкзак с вещами в машину. Последние несколько дней месяца пригревало солнышко, но под вечер температура неизменно сползала в минуса. Выйдя на обледеневшее крыльцо, Саша опрометчиво быстро направилась к автомобилю. Оксана схватила сестру за локоть в тот момент, когда та поскользнулась. Они вместе полетели вниз. Оксана на мгновение задохнулась от боли в пятой точке, а вот Саше повезло больше — она рухнула на нее сверху. Радостно виляя хвостом, Ганнибал залаял и запрыгал рядом, мешая подняться. Так сестры и барахтались на обледеневшей дорожке. Саша ругалась, Оксана давилась смехом.

— Сегодня я спасла тебя, — простонала она, когда ей удалось встать на коленки.

— Должна буду, — буркнула Саша, которая только что выдала запас отнюдь не женских выражений. Ей удалось зацепиться за перила, и она поднялась, махнув рукой на пса. — Ганнибал, фу!!!! Нельзя же быть таким до омерзения слюнявым!

Саша отряхивала пальто с брезгливым выражением лица, демонстративно повернувшись к Ганнибалу спиной, а Оксана села на ступеньки и протянула к нему руки. Пес радостно подбежал и ткнулся мокрым носом прямо в шею, потряс головой, обрызгав Оксану с головы до ног. Наталья Валентиновна улыбнулась, а Саша обернулась и скривилась.

— Если ты думаешь, что поедешь в *этом* в моей машине, ты глубоко ошибаешься.

— Поехали уже, — вздохнула Оксана. Она сняла куртку и вывернула наизнанку, искренне радуясь тому, что ее можно просто постирать и не придется тащиться в химчистку.

Почему ей в сестры досталась такая невыносимая зануда? Хорошо, что они не так часто общаются. Оксана не хотела становиться такой же.

В Москве Оксана приняла душ, переделалась и отправилась в клуб. Мужчина, с которым она собиралась провести ночь, был высок, статен и богат. Они встречались время от времени, ни к чему не обязывающие отношения их устраивали. Оксане нравились интересное общение и флирт, а постоянство ее пугало. История мамы и отца оставалась примером того, чем может закончиться серьезная привязанность для чувствующей. Да и для человека. Ее силы не позволяли кому-либо постоянно находиться рядом, подсаживая на энергии и секс, как на сильный наркотик.

Оксана не подпускала к себе не только мужчин, но и женщин. У нее никогда не было подруг, и в школе она отчаянно завидовала одноклассницам, которые всюду ходили вместе, делились секретами, гуляли на последнем звонке и выпускном. В их семье вообще не водили тесную дружбу с людьми.

За ее спиной шушукались, и хотя Оксана всегда общалась со всеми равно, в классе негласно считалась высокомерной зазнайкой. Необходимость держаться в стороне — не единственный повод для сплетен и зависти. У нее всегда было все самое лучшее: модные платья, туфли, мобильные телефоны, внимание красивых и интересных мальчишек из старших классов.

За Оксану всегда было кому постоять, но конфликты и так обходили ее стороной. Несколькими классами старше училась Саша, которая пользовалась влиянием, а ее защита негласно реяла над Оксаной огненным стягом. С сестрой хотели дружить многие, но она подпускала к себе только тех, кто полезен. И то ненадолго.

Если перед Оксаной заискивали и лебезили, она давала понять, что ей это не интересно. Саша же охотно приглашала в свою свиту, но «фрейлины» там не держались больше полугода. Вытерпеть воистину королевское самомнение сестры и ее характер редко кому удавалось.

Оксана позвонила Мише на следующий день, когда выпалась после ночных развлечений. Соврала, что хочет поговорить об убийстве, и договорилась о встрече. Оксана не собиралась рассказывать ничего нового или делиться запертыми глубоко внутри страхами, просто хотела поймать Викинга на крючок. На свидание она надела новое серебристое короткое платье, выпрямила волосы, сделала легкий макияж и осталась довольна своим видом.

Он заехал за ней в восемь и пригласил в итальянский ресторан. Оксана ловила восхищенные взгляды мужчин и завистливые женщин, и откровенно наслаждалась его близостью. Миша в темно-синем костюме и светлой рубашке выглядел бесподобно, но куда больше Оксану приводила в восторг его аура. Спокойная, обволакивающая, наполненная теплом и невероятно сильная.

Энергии большинства людей были перегружены усталостью, недовольством, неуверенностью в себе и бесконечным мельтешением. Все они куда-то торопились или опаздывали, даже в свободные часы или на отдыхе. На фоне смазанного океана всеобщей суеты Миша казался островом гармонии и равновесия, которого не касается ни один шторм.

Ненавязчивая музыка, приглушенный свет, мягкие уютные кресла и столик в нише. Оксане нравился заданный тон и настроение — едва уловимое влечение в дымке дружеского свидания.

Темноволосый официант принес меню, зажег свечу в изящном подсвечнике, и тут же удалился.

— Ты давно в Москве? — Оксану больше интересовал собеседник, но она все же пролистала несколько страниц и наспех выбрала феттучини с креветками.

— Прилетел накануне нашего знакомства, — Викинг оторвал взгляд от меню и улыбнулся ей. — Неужели выдает акцент?

— Скорее правильное произношение, — рассмеялась Оксана. — Но ты еще ни разу не произнес слова «поребрик», «парадная», «кура» или «шаверма».

— Нужно срочно исправляться, — посетовал Миша, но в его глазах искрился смех.

Они сделали заказ, и Викинг поинтересовался о причине их встречи. Дома Оксана придумала лжи с три короба, но все же понимала, что он быстро ее раскусит, поэтому не стала юлить. Она пригладила волосы, коснулась пальцами его запястья и, впустив в свой голос толику раскаяния, игриво произнесла:

— Это был невинный повод пригласить тебя на свидание.

Оксана почувствовала легкое раздражение, мгновенно сменившееся столь привычным теплом. У Михаила была очень живая мимика, и сейчас на его лице отразилось искреннее веселье.

— Вот как, — улыбнулся он. — Я польщен вниманием столь прекрасной девушки, Оксана.

Викинг поставил точку, хотя в его словах явно ощущалась недосказанность. «Но», которое за всю свою жизнь она ни разу не прочла в интонациях желанного мужчины. Оксана ждала ответного шага, но его не последовало. Она чувствовала дружеское расположение Миши, но не более. Между ними не случилось притяжения, не зажигались искры. Викинг понял это раньше, хотя именно она была чувствующей. Оксана могла заставить его увлечься собой, пустив в ход свои силы, чуточку приоткрывшись. Даже назло Саше Оксана не могла с ним так поступить.

— Тебе нравится моя сестра, — разочаровано вздохнула она. Не получалось даже злиться, она поняла, что им с Мишей просто не по пути. Зато Сашке несказанно повезло.

Он кивнул, соглашаясь.

— Береги сердце, — шутливо предупредила она.

— Приму к сведению, — со всей серьезностью пообещал Викинг.

Оксана могла поклясться, что он забавляется их разговором, но не приняла на свой счет. Она не чувствовала снисходительности, это была его манера общения — легкая, непринужденная и по-своему привлекательная.

Паста оказалась действительно вкусной и остаток вечера они провели за приятной беседой. Общаться с умным собеседником без намеков на продолжение в постели, оказалось на редкость интересно. Оксана с сожалением думала о том, что дружбы с Мишей не выйдет. Не то время и не те обстоятельства.

Он отвез Оксану домой и пообещал не рассказывать Саше о встрече. Как бы ни хотелось утереть сестре нос, в своем проигрыше она сознаваться не желала. Поцеловав Викинга в щеку и тепло попрощавшись, Оксана поднялась к себе в квартиру. Длинный список мужских имен в телефонной книжке говорил о том, что одиночество ей не грозит. По крайней мере, не в ближайшее время.

Каждый из них мог стать ее постоянным любовником, стоило Оксане только поманить, но она не хотела. Миша — другое дело, рядом с ним она могла бы задержаться. Не получилось, оно и к лучшему. Лишние сложности ей ни к чему.

10

Нью-Йорк, США - Москва, Россия. Март 2014 г.

На сборы и бумажную волокиту ушло время. К счастью, с оформлением визы проблем не возникло.

Уговоры не помогли: Рэйвен настоял, чтобы именно Халишер сопровождал ее в Москву. По какой-то чудной иронии он тоже летел бизнес-классом, хотя Ванесса до последнего надеялась, что отдохнет во время перелета. Как бы не так.

За день до вылета Ронни заявился в отель, чтобы обсудить детали сотрудничества. Он напоминал орангутанга, который слез с ветки и вышел в люди по недоразумению. Ванесса не представляла, как можно работать на Джордана Сантоцци и выглядеть, как бездомный. Костюм смотрелся так, будто его нашли на свалке: местами мятый, с ненавязчивым, но заметным ароматом «от Халишера». Дожидаясь ее, Ронни снял пиджак, и Ванесса заметила марку «Армани». Как можно превратить качественную одежду в бесформенное тряпье?

Возможно, профессиональные достоинства Халишера выигрывали на фоне неопрятности, но рядом с Ванессой в безукоризненном светло-зеленом деловом костюме, он выглядел нелепо. На правах «нового босса» Ванесса отвезла Ронни к стилисту. Потраченное время стоило душевных терзаний. Спустя несколько часов Халишер благоухал одеколоном, был выбрит и причесан. Он наотрез отказался от короткой стрижки, пообещав стягивать волосы в хвост на время их совместной работы. Новый костюм стал последним штрихом в образе «телохранителя», которого Ванесса готова была терпеть рядом с собой.

Манеры Ронни оставляли желать лучшего. Он мог запустить в волосы всю пятерню и откровенно почесаться. Он жевал жевательную резинку, двигая челюстями, как навозный жук жвалами. Ухмылка Халишера и его взгляд как бы говорили: «Чем быстрее я отделаюсь от нее, тем лучше. Ты только оступись, а уж я подтолкну». Ванесса привыкла общаться с умными людьми, умеющими поддерживать разговор и держать чувства при себе, а он выражался так, что ей хотелось зажать уши. Ронни Халишер выглядел ходячим стереотипом — здоровенный телохранитель, способный закрыть от пуль, но тупой, как пробка.

В аэропорту Ванесса боролась с желанием повернуть назад. Сидящий рядом орангутанг не только не добавлял уверенности, скорее наоборот — делал все, чтобы усложнить ей жизнь. В зале ожидания для пассажиров бизнес-класса на них смотрели все, или же ей просто так казалось. Ронни зевал и не трудился закрывать рот ладонью, постоянно жевал и сморкался со звуком неисправной трубы в оркестровой яме. В конце концов Ванесса не выдержала и пересела от него подальше, но было уже поздно: у нее разболелась голова.

Она терпеть не могла долгие перелеты, а разница во времени, ожидания на стыковочных рейсах и постоянное напряжение дали о себе знать. Всю дорогу из Шереметьево Ванесса провела в тягучей полудреме, а едва оказалась в своем номере, приняла душ, упала на подушки и проспала почти двенадцать часов.

На следующий день она попросила Ронни назначить встречу с Осиповым и найти приличный салон красоты. Неоспоримое преимущество Халишера заключалось в знании русского языка. Ванесса могла похвастаться успехами в кантонском и французском, но по-русски не понимала ни слова. Обслуживание в Москве тоже оставляло желать лучшего.

Ванесса не знала, что с ней творится: раздражалась по поводу и без, ей ничего не нравилось, все представлялось в самых мрачных красках. Довольно было признать, что это связано с предстоящей встречей, но она отказывалась принимать проявления слабости. За всю свою жизнь она ни разу так не волновалась.

К назначенному времени Ванесса выглядела безупречно. Укладка, макияж, бирюзовый деловой костюм, светло-голубая блузка и изящные туфли на высоком каблуке, элегантное пальто и шарф от «Корнелии Джеймс». Она чувствовала себя на высоте.

— Что ты знаешь об Осипове? — спросила Ванесса Халишера по дороге на встречу.

В общении с мужчинами она полагалась на женское чутье, но новая информация никогда не повредит.

— Ему пятьсот лет или вроде того, — Ронни смачно зевнул и достал из внутреннего кармана пиджака жевательную резинку, не отпуская руль, — жесткий тип, много чего знает. Босс тебе все рассказал.

Об Осипове Рэйвен знал не много, только общие сведения. Бывший измененный, властный и самоуверенный, владелец строительного бизнеса, называет Москву своей и на всех смотрит свысока. Ванесса умела общаться с людьми такого сорта. Главное, чтобы он оказался достаточно умным и не давал скучать.

Халишер отправил в рот очередную жвачку и яростно посигналил хаму, который их подрезал.

— Москва-матушка, мать ее! — сочно прозвучало над ухом по-русски.

Ванесса поняла, что Ронни выругался. Она не переставала удивляться манерам Халишера и размышлять, почему стильный Рэйвен держит его рядом с собой. Россия подходила Ронни, здесь он чувствовал себя в своей тарелке. Ронни, но не ей.

Ванесса не была в других городах, но Москва ей не нравилась. Безликие высотки, вечные пробки и плохое обслуживание. Другой назвал бы это снобизмом, но Ванессе было с чем сравнивать. Хорошо хоть погода уберегла ее от покупки шубы.

Встречу назначили на пятнадцатом этаже высотного здания, принадлежащего Осипову. Секретарь пригласила ее в кабинет, а Халишер остался за дверью. Ванесса с трудом удержалась, чтобы не помахать ему рукой. Ронни не сводил с нее пристального взгляда, высматривая малейший прокол. Она знала, что Халишер свернет ей шею, вздумай она играть против его любимого босса.

— Добро пожаловать в Москву, — Осипов снял очки и шагнул к ней навстречу, окинул Ванессу оценивающим взглядом. Она отметила его руки: красивые, с длинными тонкими пальцами. Такие обычно у музыкантов или хирургов. Для пятисот лет он выглядел не старше Рэйвена, но на ее вкус казался более привлекательным. Высокий — рядом с ним Ванесса выглядела миниатюрной. Подтянутый, в меру холеный. Сантоцци держался, как голливудская суперзвезда в образе, а Осипов — как современный мужчина, знающий себе цену. Во взгляде серых глаз читались твердость и разум.

— Джордан не предупредил, что его вестница будет столь прекрасна, — он отодвинул для нее стул.

Ванесса позволила себе располагающую улыбку, принимая свою роль. Все волнения остались за дверью кабинета. Или нет?.. Осипов улыбнулся в ответ, и Ванесса подумала, что так улыбаются акулы перед тем, как откусить жертве голову.

— К сожалению, обстоятельства нашей встречи не слишком приятны, но я ценю желание Джордана сотрудничать, и сделаю все, чтобы как можно быстрее разрешить напряженность сложившейся ситуации.

Дежурные, ничего не значащие фразы. Он вел себя галантно, но не искал ее расположения.

— В нелегкие времена приходится объединяться, — ответила Ванесса. — Джордан просил передать, что сейчас доверяет только вам.

Что-то пошло не так, и это не давало Ванессе покоя. Он смотрел на нее как мужчина смотрит на красивую женщину, но его внимание не принадлежало ей безраздельно. Она при-

выкла, что мужчины хотят ее целиком, всю и сразу, а Осипов держался на расстоянии вытянутой руки и снисходительно восхищался, как чудной диковинкой.

Ванесса достала из сумочки карту памяти, протянула ему. Их пальцы соприкоснулись, она поспешно отдернула руку, и он это заметил. Да что с ней, в конце концов, такое?!

— Джордан просил передать это вам. Он проводит собственное расследование, здесь все, что мы пока знаем, — светло-серые глаза Осипова потемнели, сталь в его взгляде сменилась свинцом, и Ванесса понятия не имела, что это значит. Он облокотился о стол, ослабил галстук, словно ему не хватало воздуха.

— В какой гостинице вы остановились?

Ванесса мысленно рассмеялась над своими сомнениями. Конечно же, она его привлекает. Осипов не из тех, кто упускает свое. Такие мужчины, привыкли к женщинам, которые немедленно падают к их ногам, поэтому относятся к ним поверхностно, как к выставочным куколкам. Еще больше они любят бороться за приз.

В другое время Ванесса провела бы пару ночей в его объятиях безо всяких прелюдий, но не сейчас. Она выиграет, только если сможет увлечь Осипова по-настоящему.

— В Ритц-Карлтон.

— Замечательно, — он поднялся, — в Карлтоне есть достойный ресторан. Предлагаю завтра вечером продолжить наше знакомство.

Общение с ним напоминало русские горки. Ванесса снова испытала разочарование, Осипов выпроваживал ее! К такому она не привыкла. Право ставить точку в разговоре с женщиной негласно принадлежало ей, и так было всегда.

— Тогда завтра в девять? — Ванесса ничем не выдала своих чувств, мягко улыбнулась и поднялась.

— В ресторане Новиков, — Осипов кивнул, — столик забронируют на мое имя. Приятно было познакомиться, мисс Нортон.

— Мне тоже, мистер Осипов.

Слишком официально, непростительно!

Она отметила, как Осипов отошел к окну: распахнул настежь, впустил в кабинет пропитанный запахами мегаполиса холод ранней весны. Холод, не сравнимый с тем, который он источал сам. Ванесса содрогнулась и поспешно прикрыла за собой дверь.

В лифте Ванесса бросила на Халишера рассерженный взгляд.

— Ты когда-нибудь перестанешь жевать?!

Она мысленно отругала себя за несдержанность. Ванесса чувствовала себя поверженной и растерянной, но никто не давал ей права с головой уходить в проигрыш, раздражаться и унывать. Ронни просто подвернулся под руку.

— Если попытаетесь играть в свои игры за спиной Босса, сильно пожалеете, — ухмыльнулся он, и на мгновение ей показалось, что Халишер умнее, чем хочет казаться, — так что лично вам, мисс Нортон, я бы советовал быть крайне осторожной в своих авансах. Этот тип вас подомнет под себя, пикнуть не успеете. В прямом и переносном смысле. И не надо делать такие глаза. Я всяко больше вашего видел в том, что касается нашего мира.

Ванесса представила, как красиво будет смотреться отпечаток ее ладони на небритой щеке, но понимала, что если Ронни даст сдачи, не поздоровится уже ей. Не говоря о том, что об ужине придется забыть. От невозможности дать выход своей ярости, Ванесса разозлилась еще больше.

— Я здесь по милости твоего Босса! — она невольно повысила голос. — Мне наплевать сколько «типу» лет. Я хочу узнать о том, что стало с моим отцом, и делаю всю грязную работу за Рэйвена! Ваш мир меня интересует в последнюю очередь!

Она осознала, что отчитывается в своих чувствах, действиях и истинных мотивах перед угрюмым орангутангом, и резко осеклась. Похоже, у нее окончательно сдали нервы.

Двери лифта разошлись в стороны, и Ванесса глубоко вздохнула. Она в считанные минуты разрушила образ хладнокровной безупречности, которым прикрывалась почти всю свою жизнь.

Прохладный воздух немного остудил пыл, и Ванесса шла на стоянку с гордо поднятой головой. Ей нет дела до того, что подумает Халишер. Если он вообще умеет думать. Ронни вышагивал рядом, не задерживаясь, одергивая пиджак, что-то раздраженно бормотал себе под нос. До Ванессы донесся только обрывок фразы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.